

В. И. Ульяновский

**«Библиотечное зеркало»
киевских монастырей XVII–XVIII вв.:
книги «живые» и «мертвые»,
доминанты латинские и кириллические**

DOI 10.47132/1814-5574_2020_6_244

Аннотация: В статье исследуется эволюция круга чтения иноков киевских монастырей, формирование и расширение библиотек обителей, влияние «старой» и «новой» книжности на духовный и интеллектуальный мир братии. На примере библиотек киевских монастырей демонстрируется формирование существенно важных знаний, познавательных и духовных приоритетов и самой системы отбора текстуальной информации в столичных обителях Киевской митрополии. Показано, что книжное дело в монастырях в значительной степени зависело от конкретного человека — архиерея, игумена, меценатов и дарителей, отдельных членов братства, формировавших собственные небольшие библиотеки. Исследование базируется на изучении репрезентативного книжного собрания Михайловского Златоверхого монастыря, для сравнения с которым используется информация о библиотеке митрополичьего Софийского монастыря XVIII в. С другой стороны, анализу подвергнуты книжные собрания четырех «окраинных» обителей — Свято-Троицкой Кирилловской, Выдубицкой Чуда архангела Михаила в Хонах, Пустынно-Никольской и Межигорской Спасо-Преображенской. Базовые вопросы: человеческий фактор в формировании монастырских книжных собраний, латинские и кириллические книги в библиотеках как факторы интеллектуально-духовной жизни и последствия доминирования латинских изданий; система чтения и познавательные приоритеты насельников киевских обителей. Показан значительный разрыв между кругом чтения монахов-академистов и братии без специального образования. Монастырские библиотеки, особенно в своей латинической части, были весьма точным зеркалом интересов и круга книжного чтения монастырского священноначалия и иноков с академическим образованием — на них действовала латинская доминанта во всех ее смыслах и интеллектуальных проявлениях, именно они «оживляли» книги постоянным чтением, именно их личности и портреты проявляются через «библиотечное зеркало».

Ключевые слова: библиотека, книжное дело, монастыри Киевской митрополии, Михайловский Златоверхий монастырь, книги, латинские тексты, кириллические тексты.

Об авторе: **Василий Иринархович Ульяновский**

Доктор исторических наук, профессор кафедры древней и новой истории Украины Киевского национального университета имени Тараса Шевченко.

E-mail: ulianovsky@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0536-8835>

Ссылка на статью: Ульяновский В. И. «Библиотечное зеркало» киевских монастырей XVII–XVIII вв.: книги «живые» и «мертвые», доминанты латинские и кириллические // Христианское чтение. 2020. № 6. С. 244–278.

KHRISTIANSKOYE CHTENIYE
[Christian Reading]

Scientific Journal
Saint Petersburg Theological Academy
Russian Orthodox Church

No. 6

2020

Vasiliy I. Ulianovskiy

“Library Mirror”
of Kiev Monasteries in the 17th–18th Centuries:
“Living” and “Dead” Books,
Latin and Cyrillic Dominants

DOI 10.47132/1814-5574_2020_6_244

Abstract: The article examines the evolution of the reading circle of monks of Kiev monasteries, the formation and expansion of libraries of monasteries, and the influence of the “old” and “new” literary culture on the spiritual and intellectual world of the monks. Based on the example of the libraries of Kiev monasteries, the formation of essential knowledge, cognitive and spiritual priorities and the very system of selection of textual information in the capital monasteries of the Kiev Metropolis is demonstrated. It is shown that the book business in monasteries largely depended on a specific person – the bishop, abbot, patrons and donors or individual members of the brotherhood who formed their own small libraries. The research is based on the study of a representative book collection of the Mikhailovsky Golden-Domed Monastery, for comparison with which information about the library of the Metropolitan Sophia Monastery of the 18th century is used. On the other hand, the book collections of four monasteries in the “outskirts” – Holy Trinity St. Cyril’s, Vydubsky Miracle of the Archangel Michael at Chonae, Pustynno-Nikolsky and Mezhhigorsky–Holy Transfiguration – were analyzed. The basic questions are: the human factor in the formation of monastic book collections, Latin and Cyrillic books in libraries as factors of intellectual and spiritual life and the consequences of the dominance of Latin editions, and the reading system and cognitive priorities of the inhabitants of Kiev monasteries. A significant gap is shown between the reading circle of academic monks and monks without special education. Monastic libraries, especially in their Latin part, were a very accurate mirror of the interests and circle of book reading of the monastic hierarchy and monks with an academic education – they were influenced by the Latin dominant in all its senses and intellectual manifestations, and it was they who “revived” books by constant reading. Their personalities and portraits are shown through the “library mirror”.

Keywords: library, monasteries of Kiev, book, Latin and Cyrillic texts.

About the author: **Vasiliy Irinarkhovich Ulianovskiy**

Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Ancient and New History of Ukraine at Taras Shevchenko National University of Kiev.

E-mail: ulianovskiy@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-0536-8835>

Article link: Ulianovskiy V. I. “Library Mirror” of Kiev Monasteries in the 17th–18th Centuries: “Living” and “Dead” Books, Latin and Cyrillic Dominants. *Khristianskoye Chteniye*, 2020, no. 6, pp. 244–278.

Роберт Дарнтон образно заметил: «На протяжении XVI в. люди по-настоящему овладели Словом. На протяжении XVII в. они начали расшифровывать „Книгу Природы“. А в XVIII в. „они научились читать себя“», и все это «связано с более глубоким, более широким процессом, нескончаемыми попытками человека обрести смысл мира вокруг себя и внутри себя» [Дарнтон, 2004, 219–220]. Эти явления и процессы несколько иначе протекали внутри закрытых социальных сообществ, в частности монастырей, где не только жизненный распорядок, но и система чтения были регламентированы прежде всего обязательными нормами и лишь затем собственными предпочтениями. Конечно, и этот «закрытый мир» подвергался изменениям времени, а в вопросе репертуара чтения еще и во многом зависел от возможностей обителей, индивидуальных предпочтений священноначалия, книжных даров меценатов и некоторых других процессов и событий.

Задачей нашего мини-исследования является определение эволюции круга чтения иноков киевских монастырей, формирования и расширения библиотек обителей, влияния «старой» и «новой» книжности на духовный и интеллектуальный мир братии. Конечно, после основания Киевской братской школы, ставшей основой Киевского коллегіума со времен митрополита Петра (Могилы), а затем Киевской академии, с основанием и быстрым развитием типографии в Киево-Печерском монастыре, с возвращением в город Киевских и вся Руси митрополитов и возрождением древней кафедры — сакрума всей Церкви, — т. е. с новым возрождением Киева как важного интеллектуально-духовного центра и средоточия церковной жизни монастыри в нем оказались в особом положении по сравнению с другими обителями Украины. В вопросе же книжности и библиотек — прямо-таки в привилегированном положении и с точки зрения возможности наполнения собраний «мудрости», и с точки зрения предпочтений и устремлений священноначалия, да и с точки зрения обстоятельств и задач самого чтения книг. Это следует изначально подчеркнуть, поскольку не киевские обители митрополии не имели всех указанных возможностей. Тем не менее, даже изучение библиотек только киевских монастырей позволяет увидеть формирование существенно важных, «базовых» знаний, познавательных и духовных приоритетов и самой системы отбора текстуальной информации в столичных обителях Киевской митрополии. Репертуар книг указывает на потребности, но еще больше на возможности насельников монастырей конкретного времени, поскольку монашество в социальном смысле составляли «матрицу» почти всех сословий, а также на интеллектуально-духовную «политику» священноначалия.

Несомненно, книжное дело в монастырях в значительной степени зависело от конкретного человека — архиерея, игумена, меценатов и дарителей, членов братства, формировавших свои собственные небольшие библиотеки. Это ярко проявляется не только на репертуаре книжности, но и на чтении: собранное при одном настоятеле «умирало» при другом, перешедшее в монастырское собрание книжное наследие конкретного брата не использовалось другими. Но при этом работала система непрерывного правонаследования не конкретного человека или группы, а институции — библиотека никуда не исчезала и не ликвидировалась, все ее книги сохранялись как нерушимый объект собственности, подлежащий не только хранению, но и регулярной сверке наличия. Все это и позволяет сегодня в «библиотечном зеркале» киевских монастырей увидеть значительный пласт не только духовной, но также интеллектуальной истории Украины XVII–XVIII вв. Ведь даже при физическом отсутствии самих этих библиотек мы имеем возможность реконструировать их наполнение при помощи описей монастырского имущества и специально составляемых рукописных каталогов книжных собраний. В этом смысле показательным и всегда актуальным остается пример библиотеки и отношения к книгам митр. Стефана (Яворского), как показательна и «жизнь» его библиотеки после смерти собственника внутри церковной структуры. «Ода книгам», созданная Яворским — ярчайший образец вершинного сознания интеллектуалом-монахом ценности книжных знаний даже для самой веры [Маслов, 1914; Броджи-Беркофф, 2006, 303–311].

Конечно, мы не сможем исследовать библиотеки всех киевских монастырей указанного периода, и не столько в связи с ограниченными объемами статьи, сколько в связи с ограниченными возможностями источников. В частности, мы пока не видим возможности для изучения библиотек даже самых больших женских монастырей. Наше краткое исследование базируется на изучении репрезентативного книжного собрания Михайловского Златоверхого монастыря, для сравнения с которым используем информацию о библиотеке митрополичьего Софийского монастыря XVIII в. Оба они относятся к «центральному» киевским обителям. С другой стороны, мы опираемся на книжные собрания четырех «окраинных» обителей — Свято-Троицкой Кирилловской и Выдубицкой Чуда архангела Михаила в Хонах (обе эти обители древнейшие в Киеве (XII и XI в. соответственно), хотя в XVII–XVIII вв. небогатые, не содержащие известных реликвий и святынь и не столь популярные среди паломников и меценатов); в пандан к ним будем учитывать собрание Пустынно-Никольского и Межигорского казацкого Спасо-Преображенского монастырей.

1. Проблема формирования книжных собраний: человеческий фактор

Для адекватного понимания факторов эволюции монастырских книжных собраний необходимо понимать процесс их формирования и пополнения. Как показывает монастырская документация, большинство книг поступало в монастырские библиотеки в качестве даров, наследия умерших или оставивших обитель монахов и в небольшой мере — как специальные приобретения монастыря (включая централизованные покупки книг по распоряжению Св. Синода в XVIII в.).

Если обратиться к документации изучаемых нами обителей, то можно видеть конкретные примеры всех только что указанных путей поступления книг. Дополнительные сведения можно почерпнуть из маргиналий на сохранившихся до нашего времени экземплярах изданий и рукописей, ранее принадлежавших киевским монастырям.

В частности, библиотека Михайловского Златоверхого монастыря в значительной степени пополнялась за счет даров. Приведем несколько примеров, в первую очередь из записей в рукописных книгах, фонд которых достаточно хорошо сохранился, в отличие от печатных изданий, а посему является более показательным.

В двухтомной рукописи Слов и поучений свт. Иоанна Златоуста 20–30-х гг. XV в. читается вкладная запись: «Иереи Семион священник Спасский надал еси сию книгу у манастир святого Михаила Златаверхого вечно век веком, а хто сию книгу знесет светого манастиря, той со мною на праведном судилищи Христовом расудиться» (ИР НБУВ. Д. П.490/1649.1-2. Л. 53 об.–58). Между 1561–1583 гг. Герман Берестянин вложил в монастырь «две книжки четьи, а третью Псалтыра да копу грошей игумену Семеону и всей еже о Христе братии» (ИР НБУВ. Д. П.417/1635. Л. 250). Служебную Минею на июнь-август в 1581 г. специально заказал переписать для монастыря киевский мещанин Кузьма Кипшатый, переписывал ее сын молдавского господаря Ивони Лазарь Ивонович (ИР НБУВ. Д. П.427/1662. Л. 276 об.). В 1600 г. в монастырском скриптории была переписана февральская Минея: «в богоспасаемом монастыру святого архистратига Михаила Золотоверхого, при державе короля его милости Жикгимонта третего а за князя Константена Константеновича в святом крещении нареченаго Василия княжати Острозском воеводе киевском за старанем и повеленем в иноцех изряднаго господина отца Арсения понеже он бы в тои час стареишиною в манастире, мною рабом Божиим Иоанном Васильевичом», переписчик просил всех исправлять его ошибки, не проклиная, «понеже не писал Дух Свят, но рука грешна и берьна (т. е. брэнна. — В. У.)» (ИР НБУВ. Д. П.425/1669. Л. 228). Весьма интересную запись содержит рукописный перевод Нового Завета: «Гавриел Крутневич козак запорожский мешкаючь в Киеве в року АХІ (1610. — В. У.) писал» (ИР НБУВ. Д. П.421/1636. Л. 145 об.). Это один из казацких гетманов, лично переписавший

книгу и подаривший ее монастырю. Значительным вкладчиком в монастырскую библиотеку, как оказалось, стал архимандрит, а затем Киевский митрополит (после возобновления православной иерархии Киевской митрополии в 1620 г.) Иов (Борецкий). Он подарил обители сначала несколько собственных книг — в частности, сохранились Псалтырь и сочинение св. Василия Великого о постничестве с записями: «Иов Борецкий митрополит Киевский во вечную память дарует монастырю Михайловскому Золотоверхому под клятвою да никто же дерзнет отселе отдалити» (ИР НБУВ. Д. П.416/1640; Д. П.480/1644). Им же была подарена сохранившаяся печатная книга «Бесед свт. Иоанна Златоуста на Деяния апостолов» печерской типографии 1624 г. (ОСК НБУВ. Кир. 2). Митр. Иов (Борецкий) в 1628 г. засвидетельствовал передачу в дар монастырю Евангелия виленского издания типографии Мамоницей 1600 г. «на вечное богомолие за отпущение грехов своих и детей и кровных своих» монахинями Ксенией, Панкратией и Пелагеей (ОСК НБУВ. Кир. 773. Л. 2–8 второй пагинации). В своем завещании от 1 марта 1631 г. митр. Иов (Борецкий) приказывал «книги греческие и латинские власные мои, а не монастырские, розных авторов» передать печерскому архимандриту (в то время — Петр (Могила)), «книги зась словенские и польские» — монастырю (Голубев, 1878, 397). А родственники покойного митрополита в 1636/1637 гг. передали монастырю второй экземпляр Евангелия виленского издания типографии Мамоницей 1600 г. (позже на этом Евангелии оставил свои записи Димитрий (Туптало)) (ОСК НБУВ. Кир. 759. Л. 105 об.–114 об., 304 об.), а затем Апостол и новоизданный Требник митр. Петра (Могила). Сменивший Иова (Борецкого) в монастыре и на митрополии Исаия (Копинский) выпросил на монастырь дар от Московского патриарха Филарета, в числе прочего, московское издание 1633 г. книги «Устав, сиречь Церковное око». Игумен Иосиф Кононович (Горбацкий), выпускник Киевского коллегиума, подарил в монастырь «Поучение Ефрема Сирина» московской печати 1647 г. с записью от 7 августа 1647 г.: «Иосиф Кононович Горбацкий игумен Михайла Святой церкви Золотоверхое киевское купил сию книгу святого Ефрема названную и даровал ей до обители до церкви святой Михайла Золотоверхого за отпущение грехов своих вечными часы. А хто бы дерзнул сию книгу от месца сего отъяти да буди проклят в сей век и в будущи святыми отцы, иже в Никеи» (ОСК НБУВ. Кир. 4271. Л. 4–10). Эта покупка была нарочитой, она указывает на понимание игуменом необходимости формирования сознания подвластных ему иноков через тексты прп. Ефрема Сирина. Ректор Киевского коллегиума игумен Иоанникий (Галятовский) подарил в обитель вышедшую в 1659 г. свою книгу «Ключ разумения» (ОСК НБУВ. Кир. 73-П. Л. 1–7, 16–21). А неизвестный автор «Летописи Самовидца» Роман Ракушка-Романовский передал в конце XVIII в. острожское издание 1595 г. «Маргарита» (ОСК НБУВ. Кир. 661). Все эти перечисления даров были нужны, собственно, для важного заключения: лишь интеллектуалы дарили в монастырскую библиотеку важные богословские труды, сочинения святых отцов Церкви, книги, развивающие религиозное сознание братии, и именно с этой целью. Остальные дарители пеклись о своих и родственников душах, посему дарили Евангелия, священно-богослужбные тексты, использование которых на службах и в молитвах ментально могло означать незримую молитву самих дарителей. Посему в книжных дарах в монастырское собрание можно видеть две важные цели, обуславливавшие репертуар библиотеки и само назначение книг.

Но уже XVIII в. изменил эту ситуацию в направлении интеллектуально-духовном, не столько церковно-богослужбном, как ранее. В начале XVIII в. свои книги передал в Златоверхий монастырь полковник Яков Иванович Ушаков: «Истолкователя писанин Римского Корнубля вся книги в библиотеку даде и многими протчими латинскими авторами библиотеку приумножил» (ИР НБУВ. Д. 411/372-С. Л. 50). В 1705 г. книгу Антония (Радивиловского) «Венец Христов» (1688) подарил «для молитвы всегдашней» в обитель монах Зиновий (ОСК НБУВ. Кир. 124-П. Л. 1–15), в 1706 г. бывший игумен, Переяславский епископ Захария (Корнилович) принес в дар обители «Жития святых» Димитрия (Туптало) на март-май 1700 г. издания (ОСК НБУВ. Кир. 196-П. Л. 3–12), тогда же лаврский архимандрит Иоасаф (Кроковский) вложил в обитель «Каноны

Богородицы» лаврской печати 1697 г. (ОСК НБУВ. Кир. 73. Л. 2–5), в 1728 г. московское издание «Обеда душевного» (1681) Симеона Полоцкого пожертвовал в обитель Иоанн Лещинский (ОСК НБУВ. Кир. 4809. Л. 1–8). Он же в 1728 г. подарил сборник философских и богословских трактатов и лекций (ИР НБУВ. Д. П.498/1733). А бывший регент Софийского собора отец Петр вложил сборник поучений (ИР НБУВ. Д. П.495/1660). В 1738 г. иеромонах Игнатий (Бузановский) передал в библиотеку раритетную латинскую Библию 1529 г. (Нюрнберг), а в 1737 г. иеромонах Киприан (Маркевич) передал издание 1579 г. (Антверпен) Горация Флака. Все эти и многие другие дары показывали, что вектор наполнения монастырской библиотеки не только изменился, но сместилась и сама его доминанта в сторону латинской книжности и богословствования.

Михайловский монастырь также пополнял свое собрание на собственные средства. В частности, в обители существовал скрипторий, где переписывались книги для нужд монастыря. Например, на последнем листе рукописного Апостола XVI в. сделана запись: «Апостол писаный монастыра святого архистратига Христова Михайла Золотоверхого Киевского» (ИР НБУВ. Д. П.420/1641. Л. 344). Закупка же обителью книг для собственных нужд фиксируется весьма скудно с XVII в., но в большей степени с XVIII в. Она касается книг литургического и иного священно-богослужебного цикла, а также обозначенных Св. Синодом как обязательные для покупки. Эти издания не столько пополняли монастырскую библиотеку как таковую, сколько храмы, ризницу и трапезную обители. Крайне мало сохранилось конкретных сведений о покупке книг монастырем. В частности, в 1698 г. была приобретена Триодь Постная лаврской печати 1648 г., которая была «куплена за двадцать золотых до обители» (ОСК НБУВ. Кир. 66-П. Л. 6–9). А в 1728 г. было приобретено московское издание 1683 г. «Вечери душевной» Симеона Полоцкого (ОСК НБУВ. Кир. 3065. Л. 1–14).

Немало книг, особенно латинского шрифта, попадало в монастырскую библиотеку по смерти насельников. Например, на «Сборнике» московской печати 1665 г. читается запись: «Сия книга ест власная иеромонаха Феодосия Софоновича, игумена Михайловского... по смерти блаженные памяти Феодосия Софоновича игумена монастыря Михайловского Золотоверхого киевского зостала сия книга библиотеце Михайловской» (ОСК НБУВ. Кир. 3040. Л. 1–2, 1–10 второй пагинации). Позже его брат передал в монастырскую библиотеку сочинение Антония (Радивиловского) «Венец Христов» (1688) (ОСК НБУВ. Кир. 131-П. Л. 11–20). По смерти в обители бывшего епископа Севского Кирилла (Флоринского) в 1795 г. в монастыре осталась его библиотека, состоявшая из 35 кириллических изданий 1742–1794 гг., 8 латинских 1572–1786 гг. и 5 французских 1735–1754 гг. (среди последних — Библия с толкованиями в 33 книгах), а также десятков рукописей (Песнь песней, латинские сентенции, Толковая Псалтырь в 2 частях, «Врачевство душевное в ползу врачеватися хотящим», «Всемирный путешествователь», «Книга до экономии и лекарьств служащая», «разных сочинений и проповедей» 51 тетрадь) (ЦГИАУК. Ф. 169. Оп. 1. Д. 12, 1795 г. Л. 13–16 об.). По смерти эконома обители Вениамина в 1735 г. осталось до двух десятков книг, среди которых выделялись тексты свт. Афанасия Александрийского, Иоанна Златоуста, Диоптра, Синаксарь, «Книжица о Святом Агнце» (ЦГИАУК. Ф. 169. Оп. 5. Д. 97. Л. 2–3).

О частных библиотеках иноков обителей поговорим далее, здесь же обозначим важнейшее: они формировались не случайно, исключительно с учетом потребностей собственника, а значит, наиболее адекватно отражают через «библиотечное зеркало» интеллектуально-духовный уровень монашествующих. Конечно же, иноки с академическим образованием формировали библиотеки на более высоком уровне — включая (даже предпочитая) книги на разных языках, — нежели «простая» братия, однако именно благодаря попаданию этих многомерных собраний в общую монастырскую библиотеку и другая братия получала потенциальную возможность приобщиться к неведомым знаниям и практикам богословствования.

Относительно других киевских монастырей можно сказать, что система пополнения их библиотек была такой же. Разнились в незначительной степени лишь попадавшие в монастырские собрания личные библиотеки покойных насельников;

наполнение этих библиотек также прямо зависело от уровня образования и интеллектуально-духовных устремлений конкретного лица. В частности, библиотека митрополичьего Софийского монастыря пополнилась 116 книгами из частных коллекций, как подаренными обители (Варлаамом (Ясинским), Самуилом (Миславским), Тимофеем (Щербацким), Арсением (Могилянским), Иннокентием (Гизелем)), так и переданными по завещанию. Большая часть изданий, оставшихся по смерти иноков, была на иностранных языках. Например, в собрании иеромонаха Иоакима (Костенецкого) в 1764 г. — из 10 изданий большинство латинские (курсы нравственного богословия, поэтики, философии, сочинения Цицерона, Эразма Роттердамского, Христофора Целлария (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 2440. Л. 26)); в собраниях покойных Виктора Ладыжинова — 1768 г., 14 изданий, все латинские, архимандрита Иллариона (Лазаревича) — 41 издание, половина латинских, и митрополита Тимофея (Щербацкого) — 37 латинских и 22 кириллических (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 2440. Л. 26–28, 38; Сінкевич, 2014, 628–630, 638–639). Немало книг поступило и по указанию Св. Синода относительно их закупки: в 1751 г. — 26 изданий, на 1803 г. в реестре книжного собрания в специальном разделе «книг из Святейшего Синода присланных» значилось 28 позиций [Прокоп'юк О., 2003, 153–154].

Библиотека Николо-Пустынского монастыря, считавшаяся одной из самых больших киевских библиотек, также пополнялась, главным образом за счет даров, завещаний и личных книг умершей братии. Например, в 1733 г. из имущества умершего иеромонаха Исаакия в библиотеку попала книга свт. Иоанна Златоуста «Цветы или цветособрание» (ИР НБУВ. Д. П-557/4. Л. 1–4), а по смерти иеромонаха Давида в 1799 г. его 20 книг также были переданы в монастырскую библиотеку (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 5534. Л. 139).

Отдельно от всех монастырских, по понятным причинам, следует поставить библиотеку Киевской академии. К сожалению, она сгорела почти целиком во время пожара 1780 г. Эта библиотека до пожара состояла, главным образом из пожертвованных известных церковных деятелей, главным образом Киевских митрополитов, о чем свидетельствует записка 1770-х гг. Самая большая жертва попала в библиотеку по завещанию Петра (Могилы) — 2131 книга, от Рафаила (Заборовского) поступило 137 изданий, от Тимофея (Щербацкого) — 144, от Арсения (Могилянского) — 166, от Гавриила (Кременецкого) — 35, от Крутицкого епископа Иллариона (Григоровича) — 595, от епископа Севского Кирилла (Флоринского) — 72, от епископа Крутицкого Самуила (Миславского) — 24. Всего жертвователи передали в академическую библиотеку 3304 тома (Акты и документы, 1906, 125). Позже в академическую библиотеку по завещанию Варлаама (Лещевского) в 1776 г. было передано его собрание из 827 томов. А в 1774 г. по смерти иеромонаха Иакова (Блоницкого) монастырю перешло 92 книги, из них лишь одна кириллическая, остальные на латыни и греческом, главным образом — труды по богословию, сочинения Эразма Роттердамского, Лютера, свт. Амвросия Медиоланского, Блаженного Августина, курсы логики, грамматики, словари (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 169. Д. 37. Л. 8–9 об.).

Библиотека Выдубицкой обители, как и других монастырей, росла за счет даров. Например, в 1703 г. иеромонах Антоний пожертвовал книгу Лазаря (Барановича) «Меч духовный» (Киев, 1666) (ОСК НБУВ. Кир. 82-П. Л. 1–5). Очень интересен авторский дар «Ключа разумения» (1665) Иоанникия (Галытовского) в Чудо-Михайловскую обитель, на экземпляре книги читается надпись: «Аз подлый автор сее книги для спасения своего даем сию книгу до Киева до монастира Выдубицкого ... жебы там читана была для спасения людского ...» (ОСК НБУВ. Кир. 2753. Л. 2–5). Такую же запись Галытовский сделал и на подаренной в обитель своей книге «Мессия правдивый» (1669) (ОСК НБУВ. Кир. 40. Л. 2–3). «Жития святых» на март-май печерской печати 1700 г. Димитрия (Туптало) вложил в монастырь иеромонах и проповедник Рафаил (Кунцевич) (ОСК НБУВ. Кир. 194-П. Л. 1–4). В 1655 г. московское издание 1649 г. Евангелия с комментариями Феофилакта Болгарского передал в монастырь иеромонах Никон (ОСК НБУВ. Кир. 179. Л. 3–6).

Собрание пополнялось и книгами, оставшимися по смерти иноков: в 1774 г. из имущества монаха Мирона в книгохранилище попало 13 книг, из которых только три кириллицей, остальные на латыни и польском, а также греческий словарь, среди латинских книг была Вульгата, курсы лекций и сочинения Лазаря (Барановича) (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 440. Л. 2–3). По смерти иеромонаха Виктора (1779 г.) монастырь получил его 22 книги, среди которых 7 кириллических (особенно интересные: «Новое описание сфер», указатель собственных имен в Библии), 5 латинских (курсы лекций, справочники по медицине) и 10 рукописей (в том числе беседы прп. Макария Египетского, краткий летописец, Номоканон, «Открытие сокровенных художеств», «Книга о спокойстве и удовольстве человеческом» (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 440. Л. 33 об.–34)). А после смерти иеромонаха Стефана в 1781 г. осталась только одна, но важная книга — «Руно орошенное» Димитрия (Туптало) (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 723. Л. 4). Один из экземпляров «Острожской Библии» 1581 г. достался обители по смерти иеромонаха Каллиста (Черетенко) (ОСК НБУВ. Кир. 651. Л. 71 об.). Некоторые издания изредка покупались в монастырскую библиотеку. Например, московское 1680 г. издание стихного Псалтыря Симеона Полоцкого (ОСК НБУВ. Кир. 184. Л. 1–5).

Закупка же монастырями книг на собственные средства также везде была довольно скудной. Например, весьма скромную информацию о приобретении книг в Кирилловском монастыре дают хозяйственные книги обители, поскольку в них упомянуты лишь церковно-служебные книги, приобретаемые для храмов обители. Например, в 1745 г. был куплен Новый Завет за 3 руб., а в 1747 г. неизвестную «книжицу» приобрели в Софийском монастыре за 4 коп., в 1761 г. также были куплены две «книжицы» за 37 коп. и 1 руб. 36 коп., в 1765 г. наново переплели книгу Акафистов (ЦГИАУК. Ф. 888. Оп. 1. Д. 2. Л. 14, 16; Д. 4. Л. 1 об.; Д. 5. Л. 18 об.; Д. 9. Л. 18 об.; Д. 10. Л. 35). А в 1666 г. сам игумен кирилловский Мелетий (Дзик) приобрел в Москве для обители Пролог на март-май (М., 1662) (ОСК НБУВ. Кир. 5226. Л. 1–9).

Как видим, формирование монастырских библиотек киевских монастырей нельзя назвать программным и спланированным. Исключение составляют лишь специально приобретенные или переписанные в скрипториях книги, но оба эти направления пополнения книжных собраний были ориентированы на обыденные потребности церковного служения, но не на развитие и пополнение интеллектуально-духовной сферы жизни братии. Не наблюдается даже нарочитое пополнение книжного собрания специальными текстами святых отцов, обязательной для каждого инока «Лестницы», молитвословов и прочей классической для монашествующих литературы. Более того, явно виден значительный разрыв между кругом чтения монахов-академистов и братии без специального образования. Можно ли в связи с этим делать какие-либо выводы о самой братии лишь на основании библиотеки? Наш ответ скорее положительный, поскольку такие выводы позволяют делать описи имущества умерших монахов с упоминанием хоть одной книги, которая была основой их духовной жизни. Конкретные примеры из этой области приведем ниже. Здесь лишь вновь подчеркнем, что монастырские библиотеки позволяют говорить об уровне дарителей и бывших владельцев книг из монашествующих, а также предлагают перспективу потенциальных возможностей для интеллектуально-духовных самокорреляций «другой» братии обителей.

2. Репертуар библиотек: латинские и кириллические книги — факторы и последствия доминирования

Репертуар книг киевских монастырских библиотек дает возможность в идеале рассмотреть интеллектуально-духовный компендиум каждой обители относительно возможностей векторов развития читающей братии. Но это лишь «в идеале», поскольку эти векторы должны верифицироваться конкретикой времени поступления книг в библиотеку, с одной стороны, и доказательством чтения всего указанного

книжного репертуара братией. К сожалению, мы не имеем репрезентативного материала ни для первого, ни для второго, посему может говорить лишь о сфере возможностей и не более того.

Тем не менее благодаря описям киевских монастырских библиотек мы можем четко указать на подавляющее доминирование в них книг латинским шрифтом. Это видно по описям XVIII в.: в Софийской библиотеке было 534 латинических (разными языками латинским шрифтом) изданий и всего 150 кириллических, плюс около 125 книг из частных собраний, которые почти все были латинические (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 2440. Л. 1–40). В библиотеке Михайловского Златоверхого монастыря было 280 латинических книг на семи языках и 185 кириллических изданий [Ульяновский, Кошіль, 2008, 157–158]. В библиотеке Николо-Пустынского монастыря было 319 латинских, 67 польских изданий и не более 150 кириллических (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 5534. Л. 1–90). Наверное, только в библиотеке Выдубицкого Чудо-Михайловского монастыря преобладали кириллические книги: 152 тома, тогда как латинских и польских — 47 книг (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 2. Д. 552. Л. 11–31 об.). Особое место среди киевских занимал греческий Екатерининский монастырь, в библиотеке которого преобладали греческие книги — 82, против 20 кириллических, 3 латинских и 1 «волошской», при этом большинство книжного фонда составляли богослужебные книги, Священное Писание и его толкования (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 176. Д. 45. Л. 4, 10–11). Значительная доминанта латинских (не только в отношении шрифта, но и языка) книг в библиотеках киевских монастырей указывает на четкую доминанту, связанную с «языком науки» и ориентацией на западные издания, а значит, и предлагаемые ими идеи, в том числе в области богословия. Это обусловлено, конечно же, деятельностью Киевской академии — законодательницей «моды» и средоточием науки и образования того времени. Например, именно с этим связано наличие в библиотеке Михайловского Златоверхого монастыря классических сочинений на латыни — «Писем к друзьям» Цицерона (Лейпциг, 1593; Страсбург, 1587), сборников сочинений Овидия, Валерия Максима (Париж, 1544), Иосифа Флавия (Лейпциг, 1691), Марка Фабия Квинтилиана (Кёльн, 1534), а также новых учебников: «Прогимнасматум» Якуба Понтануса (Ингольштадт, 1608), пособия по риторике Киприана Соареса, поэтики Яна Квяткевича (Калиш, 1682), логики кардинала Франсиско де Толедо (Венеция, 1669). Даже восточные отцы Церкви (Василий Великий, Григорий Назианзин, Иоанн Златоуст, Иоанн Дамаскин, Дионисий Ареопagit) были представлены в михайловской библиотеке латинскими изданиями наравне с Франциском Ассизским, Блаженным Августином, томистами. Большое собрание (11 сочинений в 21 томе) Корнелия де Ляпиде в монастырской библиотеке, по-видимому, также было связано с академическим образованием, поскольку этот автор был обязательен в курсах Киевской академии, как и сочинения Христиана Вольфа. Именно бывшие студенты оставили в монастыре рукописи латинских академических курсов XVIII в. Христофора (Чарнуцкого), Илариона (Левицкого), Иллариона (Негребецкого), Лаврентия (Горки), Симона (Кохановского), Иннокентия (Нероновича), Митрофана (Довгалевского), Феофана (Прокоповича) и многих других профессоров. Подобная картина (в том числе с рукописями лекционных курсов) наблюдается и в библиотеках Софийского монастыря и Печерской лавры [Вишневский, 1903, 240–270]. Изучение всей этой «латинской науки» постулировалось как обязательная необходимость. Митр. Иов (Борецкий) писал: «Чтобы нашу Русь не называли глупой Русью» [Науменко, 1963, 17]. Именно в «зеркале» латинического состава киевских монастырских библиотек «наша Русь» выглядела вполне «умной Русью».

Рассмотрим более подробно в указанном ключе «доминирований», их факторов и последствий библиотеку Михайловского Златоверхого монастыря, состоящую из рукописного и печатного книжного собрания, поскольку полная реконструкция кириллической (нами совместно с Оксаной Кошиль) и латинической (нашей ученицей Богданой Тараниной [Таранина, 2013, 111–116]) частей монастырской библиотеки произведена и проанализирована, относительно же других киевских монастырских библиотек их собрания рассматривались лишь в общем, без полной реконструкции всего состава.

Рукописи Михайловской библиотеки сохранились с начала XV в., среди них особую ценность составляет Евангелие-тетр, содержащее записи 19 монастырских документов на собственность и многочисленные приписки (ИР НБУВ. Д. П.417/1635). А самой ранней печатной книгой обители был Часослов, изданный в 1491 г. в краковской типографии Швайпольта Фиоля (ОСК НБУВ. IF. 173/375). Среди рукописей важно также наличие греческого Номоканона начала XVII в. (ИР НБУВ. Д. П.440/1751). Не меньший интерес представляет рукопись перевода Нового Завета Валентина (Негалевого) (ИР НБУВ. Д. П.421/1636.). В монастырской библиотеке было также два экземпляра «Острожской Библии» 1581 г., «Новый Завет» (Острог, 1580), виленский Служебник (1583) и два экземпляра «Книги о постничестве» свт. Василия Великого (Острог, 1594), «Учительное Евангелие» крылосской типографии Балабанов 1606 г., «Книга о священстве» свт. Иоанна Златоуста львовского издания 1614 г., «Анфологион» печерской типографии 1619 г. (его перевод с греческого был сделан Иовом (Борецким), проживающим в Михайловской обители), «Беседы Иоанна Златоуста» (Киев, 1623, 1624, 1625), «Поучение» Аввы Дорофея (Киев, 1628) и виленское 1627 г. издание Бесед прп. Макария Египетского. В монастыре находилось и редкое издание, не занесенное в каталог – «Казание на погреб Леотия Карповича» авторства Мелетия (Смотрицкого) (Вильно, 1620) (ОСК НБУВ. Кир. 7281). Иов (Борецкий) основал свою типографию во главе со Спиридоном Сободем, считается, что поначалу (1628–1629 гг.) она находилась в Михайловском монастыре, и именно здесь был издан «Лимонарь, альбо Цветник» Иерусалимского патриарха Софрония, а в 1630 г. (уже на киевском Подоле) – «Апостол».

В целом, в михайловской библиотеке было 15 рукописей XV в. (среди них выделялись: Слова Исаака Сирина (ИР НБУВ. Д. П.481/1661), Пандекты Антиоха (ИР НБУВ. Д. П.483/1757), «Книга, зовемая приточник» (утрачена), все остальные были церковно-служебными и вероучительными); 19 рукописных книг XVI в. (среди них выделялись: полемический сборник против латинян, составленный в Супрасльском монастыре (ИР НБУВ. Д. П.475/1656), сборник сочинений свт. Иоанна Златоуста, Андрея Критского, Иоанна Дамаскина, Василия Великого (ИР НБУВ. Д. П.487/1645), книга архиерейских поучений в переводе с греческого 1469 г. в списке (ИР НБУВ. Д. П.496/1648)); 25 рукописей XVII в. (в частности, рукопись Патерика (ИР НБУВ. Д. П.486/1653), сочинения Епифания Кипрского и Дорофея Тирского (ИР НБУВ. Д. П.419/1638), список греческого Номоканона 1563 г. (ИР НБУВ. Д. П.440/1751), латинские философские трактаты (ИР НБУВ. Д. П.441/1709; Д. П.442/1706; Д. П.443/1707), сочинение иезуита Дезеллиуса «Зодиак, или Дорога больного в вечность», подаренное иеромонахом Парфением (Яворским) (ИР НБУВ. Д. П.474/1745), сборник «Розница» 1617–1618 гг. с полемическими антипротестантскими сочинениями (ИР НБУВ. Д. П.476/1736), сборник богословских трактатов Лазаря (Барановича), Иоанникия (Галятовского), Иннокентия (Гизеля) и др. (ИР НБУВ. Д. П.478/1734), академические латинские курсы пиитики, риторики и пр. дисциплин (ИР НБУВ. Д. П.499/1729; Д. П.501/1719; Д. П.502/1732), летописный сборник стольника Г. Ф. Давидовича (ИР НБУВ. Д. П.546/1748), описание чудес св. Варвары авторства Димитрия (Туптало) (ИР НБУВ. Д. П.547) и Феодосия (Софоновича) (ИР НБУВ. Д. П.546/1748)). Рукописных книг за XVIII в. числилось всего 7 кириллических, среди которых выделялся лишь текст Минеи со службой печерским святым Антониевых пещер (ИР НБУВ. Д. П.428/1663), и 41 книга латинских курсов по богословию, философии, риторике, пиитике и грамматике [Ульяновский, Кошіль, 2008, 109–110]. Несомненный интерес представляет рукопись книги свт. Василия Великого о постничестве, подаренная в монастырь Иовом (Борецким) (ИР НБУВ. Д. П.480/1644. Л. 279), поскольку именно в ней содержится информация о созданном Борецким 29 июня 1629 г. в Михайловском монастыре Соборе для решения вопроса о субботних акафистах и пассиях во время поста в связи с использованием их униатами и большой популярностью среди верующих.

Таким образом, рукописное собрание Михайловской библиотеки было довольно пестрым, оно могло иметь значение для братии и самой обители до XVII в., когда печатная книжная продукция еще в массовом порядке не пополняла библиотеку обители.

Тем не менее, и в дальнейшем, судя по пометам в рукописях, эти книги читались братией, хотя и весьма sporadически, особенно специальная богословская литература.

В соответствии с описью имущества монастыря 1787 г., в обители было 299 книг, из них 15 Евангелий в Михайловском соборе, 164 книги в ризнице и 17 книг на левом и правом клиросах, 22 книги в алтаре и 80 книг (68 названий) в библиотеке, но в случае с библиотекой упомянуты были только церковно-служебные книги, а не весь ее состав (ИР НБУВ. Д. П.539/1764. Л. 149–152 об.). Конечно, все экземпляры Евангелий в храмах и ризнице были кириллическими, главным образом московской печати 1644–1771 гг., всего 4 — киевской печати (1697–1746), и одно — львовской (1644) (ЦГИАУК. Ф. 169. Оп. 5. Д. 3. Л. 26 об.–32 об.; ИР НБУВ. Д. П.539/1764. Л. 33–40). В то же время в монастырской библиотеке хранилось значительное количество латинских Библий и отдельных частей Святого Писания: нюрнбергского издания 1529 г., базельского 1569 г., парижского 1543 г., галльского 1740 и 1781 гг., амстердамского 1631 г. (издание кальвиниста Теодора Беза), хотя в библиотеке были и славянские издания Святого Писания (киевской, львовской и московской типографий 1628, 1636, 1663, 1692 гг.)

Состав Михайловской библиотеки относительно самого репертуара книжности является весьма показательным для киевских монастырских книжных собраний. Его пусть даже реферативное и статистическое рассмотрение, по нашему мнению, позволит сделать весьма важные выводы как в отношении доминант интеллектуально-духовной сферы братии указанного времени, так и в отношении самого «библиотечного зеркала» как такового в дискурсе монастырской истории мысли, поведенческих моделей, потребностей интеллекта и прочего. В контексте указанной задачи мы считаем оптимальным применение тематического принципа анализа.

Первостепенным для монашествующих был набор сакральных и богословских текстов, а также сочинений святых отцов Церкви. В кириллической части библиотеки к ним относились 183 издания и подавляющее большинство из 132 рукописных книг. В частности, в библиотеке хранились две Библии, три Новых Завета, семь Евангелий, четыре Учительных Евангелия с толкованиями, три Апостола, три Часослова, три Триоди, пять Октоихов, четыре Ирмологиона, две Псалтыри, четыре Пролога, пять Службников, четыре Литургиона (включая издание Петра (Могила) 1639 г.), три Требника (включая издание 1646 г. Петра (Могила)), три Акафиста святым и один Анфологион. Все эти издания касались богослужебной деятельности и внебогослужебных чтений, в основе которых лежат библейские тексты. Но даже Устав существовал лишь в одном экземпляре московской печати 1633 г. Из святоотеческой литературы преобладали тексты свт. Иоанна Златоуста (9 книг), Василия Великого (4 книги) и Ефрема Сирина (3 книги). Среди четырех книг прп. Иоанна Дамаскина были каноны Богородице, Осмогласник, история о Варлааме и Иоасафе. В библиотеке было только по одной книге Аввы Доротея и прп. Макария Египетского. Из новой богословской литературы в библиотеке были собраны по преимуществу сочинения украинских богословов и профессоров Киевской академии. В частности, произведения Иоанникия (Галытовского) «Ключ разумения» в четырех экземплярах (Киев, 1659, 1665), Иннокентия (Гизеля) «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669) в двух экземплярах и «Ключ разумения» (Киев, 1659), Лазаря (Барановича) «Меч духовный» (Киев, 1666) в двух экземплярах, Антония (Радивиловского) «Огородок Марии Богородицы» (Киев, 1676) в двух экземплярах и «Венец Христов» (Киев, 1688) также в двух экземплярах, Иоанна (Максимовича) «Богородице Дево» (Чернигов, 1707), Симеона Полоцкого «Обед душевный» (Москва, 1681) и «Вечера душевная» (Москва, 1683), Димитрия (Туптало) «Жития святых» (на разные месяцы, Киев, 1689, 1690, 1695, 1700, 1705), Платона (Левшина) «Православное учение» (Москва, 1768) [Ульяновский, Кошіль, 2008, 131–183]. Этот перечень трудов показывает, что библиотека пополнялась главным образом киевскими печерскими изданиями современных авторов, нередко получая их в подарок от самих авторов. Этой литературы было недостаточно для системного повышения богословского уровня братии. Потребность в специальной литературе

в этом случае восполнялась благодаря книгам на других языках, которые превалировали в монастырской библиотеке.

В частности, в латинической части библиотеки было 57 вероучительных и богословских изданий, среди которых преобладали книги томистов (самого Фомы Аквинского и пр.), Альберта Великого, блж. Иеронима, Лактанция и др. [Вишневецкий, 1903, 208–212]. Конечно, библиотека имела также классику: сочинения Августина Блаженного («*Quartus tomus operum Aurelii Augustini Hipponensis episcopi*», Базель, 1556), корпус Ареопагитик («*Corpus Areopagiticum*», Венеция, 1502 [Андрушко, 1984, 167–172; Пуминова, 2009, 216–223]), который монашествующие читатели изрядно потрепали, кельнское издание 1546 г. «Точного изложения православной веры» св. Иоанна Дамаскина (в библиотеке было и кириллическое издание в переводе Епифания (Славинецкого) 1665 г.)¹.

Несомненно, важное справочное значение имели «конкордации» (указатели к Библии), например «*Concordantiae bibliorum utriusque Testamenti, veteris et novi*» (Лион, 1615), а также «компендиумы», например «*Compendium Locorum Theologicorum*» Леонарда Гуттера (Витгенберг, 1688), специальный компендиум к «Теологии» испанского кардинала Франсиско де Толедо и знаменитые «Римские Миссалы» (Венеция, 1632, два экземпляра, издания 1595–1598 гг.) с описанием популярных в католической традиции пассий, распространенный католический учебник христианской морали августинца Абрахама а Санта-Клара «*Grammatika Religiosa*» (1703), а также учебники Христиана Вольфа, в частности «*Theologia Naturalis, Methodo Scientifica Pertractata*» (1736) и Александра Ноэля («*Paralipomena Theologiae*», 1701).

Среди популярных для указанного времени книг выделялось сочинение пиетиста Иоханна Арндта («*De vero christianismo*», Франкфурт, 1658) о духовном обновлении человека. Это произведение было переведено выпускником Киевской академии и университета Галле Симоном Тодорским, но в России указанный перевод, как и сам оригинал, были запрещены указом 1743 г., хотя это сочинение оказало значительное влияние даже на свт. Тихона Задонского, не говоря уже о Григории Сковороде и прочих украинских интеллектуалах [Нічик, 2002, 30–31]. Кстати сказать, в библиотеке было также официально признанное Римом еретическим и почти целиком уничтоженное издание Бертольда Пюрстингера «Груз Церкви» (Кёльн, 1531). Среди уникальных изданий следует назвать сборник сочинений папы Римского Иннокентия III и Исидора Севильского (Лейпциг, 1534), в частности трактаты «О святом таинстве алтаря» с последовательным толкованием мессы (в том числе цветов облачений священства) и «О церковных службах» с описанием всех видов служб. Была в библиотеке и книга лютеранина Андреаса Осандера «Гармония Евангелия» (Париж, 1545), а также «*Examen Theologicorum*» ученика Меланхтона Тилемана Хессхусена.

Очень важным было издание популярной книги Фомы Кемпийского «О наследовании Христу» (Париж, 1758), которое цитировал в своих проповедях свт. Димитрий Ростовский [Стрижев, 2005, 368–384]. Имелись в монастырской библиотеке и сочинения культового католического богослова, идеолога Контрреформации, иезуита Роберта Беллармино, в частности «*De officio principis Christiani*» (Кельн, 1619), в котором обосновывалась идея теократической власти. Кроме того, в библиотеке хранились важные сочинения католических и протестантских богословов: перевод Нового Завета с комментариями кальвиниста Теодора Беза (1631), три тома сочинений протестанта Германа Витсиуса («*De oeconomia Dei cum hominibus*» (1685), «*Exercitationes sacrae in symbolum quod Apostolorum dicitur: et in Orationem Dominicam*» (1689), «*Miscellaneorum sacrorum libri IV*» (1695, 1700)), сочинения Кампегия Витринга о наследии христианского церковного служения от иудейской синагоги («*De Synagoga Vetere*», 1696; «*Sacrorum Observationum*», 1700–1708), Диано Антониуса («*Resolutiones morales*», 1637), польского богослова, ректора Острожского иезуитского коллегиума

¹ Место и год издания указывается лишь в том случае, когда они приведены в монастырской описи. Когда же они не указывались, варианты возможных изданий приведены в подробном каталоге-реконструкции Богданы Тараниной, подготовленном к печати, но нами не приводятся.

Каспара Дружбицкого («In festa anni totius considerationis», 1680), иезуита Матиаса Стемпеля («Conciones in Dominicis & Festa Totius Anni», 1696). В латинической части коллекции отдельным блоком выделяются книги известного экзегета, иезуита Корнелиуса а Ляпиде — их целых 12 названий в 18 томах (1657–1689). Следует отметить, что среди латинских книг были и сочинения Феофана (Прокоповича) с не вполне традиционными для православных взглядами, появившимися под влиянием протестантской теологии: «Miscellanea sacra» (Вроцлав, 1745) и «Tractatus de processione Spiritus Sancti» (1772). Особое место в библиотеке занимали академические лекции на латыни авторства Христофора (Чарнуцкого), Иллариона (Левицкого) и Иллариона (Негребецкого).

Как видим, богословские трактаты михайловской библиотеки были весьма разнообразны и многовекторны. Основная их часть происходила из частных библиотек, переданных монастырю, и больше отражала запросы и интересы отдельных лиц, нежели всей братии. Тем не менее эти книги составляли несравнимую по содержанию и разработке вопросов конкуренцию кириллическим изданиям библиотеки. Латинская доминанта в богословии проявлялась достаточно сильно и своеобразно, если учитывать множество прямо противоположных интерпретаций сложных вопросов и проблем католическими, протестантскими и православными богословами. «Язык» богословия михайловских иноков, как и насельников других киевских обителей, в этом смысле был прямо не соизмерим с «языком» братии российских обителей с единичными латиничными изданиями и превалированием кириллических текстов. Реальное проявление этого различия продемонстрируем далее на примере жесткой богословской дискуссии украинских и московских богословов при патриархе Иоакиме (Савелове).

Проповедническая литература в кириллической части была представлена исключительно текстами свт. Иоанна Златоуста. Латинические (на латыни и польском) проповеднические издания (около полутора десятков) были представлены несравнимо многограннее. Это в первую очередь «Постиллы», среди которых особенной популярностью пользовались тексты протестантствующего Николая Рея, критиковавшего католический Марийный культ. Ответом Рею служила «Постилла» Якуба Вуека (1579), которая также была в монастырской библиотеке. Вуеку же ответил кальвинистский проповедник Грегож из Зарновца (1597). Все эти взаимоисключающие издания могли дать серьезную пищу для раздумий читателям монастырской библиотеки. Не меньшей популярностью пользовались проповеди иезуита Петра Скарги, книга которого «Kazania przygodne» краковского издания 1610 г. имела в библиотеке; это издание использовали в своих сочинениях Димитрий (Туптало), Стефан (Яворский) и другие киевские и украинские интеллектуалы. Проповеди последователя Скарги Фабиана Бирковского («Kazania na niedziele y Swieta doroczne», 1623) также были в михайловской библиотеке. Имелась здесь и книга лютеранского пастора Яцека Либериуша «Властитель Неба и Земли Иисус Христос» 1665 г., а также книги проповедей Шимона Старовольского, Францишека Дзиловского, Атаназия Кирсницкого и Мацея Муховского. Но едва ли не самое большое распространение в православной среде получили проповеди Томаша Млodziановского, в частности, в михайловской библиотеке были его социально-заостренные тексты в издании 1681 г. Латинские книги проповедей Каспара Дружбицкого («In festa anni totius considerationis», 1680) и иезуита Матиаса Стемпеля («Conciones in Dominicis et Festa totius anni», 1696) также активно пользовались православными проповедниками и присутствовали в михайловской библиотеке [Симич, 2009]. В целом, тексты проповедей Нового времени католических и протестантских авторов, несомненно, были разнообразнее и более приспособленными к современности, написаны более живо и доступно, соответственно, они читались чаще, особенно иеромонахами, которые должны были готовить свои проповеди. В сфере гомилетики латинические издания доминировали однозначно и бесконкурентно.

Агиографические издания в кириллической части михайловской библиотеки ограничивались «Лимонарем» Иоанна Мосха (1628) и Чегьями-Минеями Димитрия

(Туптало) 1689 г. Латиническая часть собрания и в этой области была обширнее. В частности, к ней относились и два классических печерских издания — польскоязычные «Патерикон» Сильвестра (Косова) (1635) и «Тератургима» Афанасия Кальнофойского (1638). Но едва ли не самой популярной оказалась книга иезуита Петра Скарги «Zywoty świętych Starego i Nowego zakonu» (в Михайловской библиотеке были краковские издания 1626 и 1628 гг.), которой активно пользовался Димитрий (Туптало) при составлении своего многотомного агиографического труда и которой зачитывались все верующие Киевской митрополии. Если даже Киево-Печерский патерик не был издан кириллицей для всеобщего использования, так что не только монахи, но и светские лица должны были читать жития печерских святых в польском издании Косова, то одно это является весьма символическим показателем доминирования не только на языковом уровне «иной» книжной культуры. А в тексте Кальнофойского с описанием житий тех же святых и литературно разукрашенными автором эпитафиями погребенных в монастыре известных деятелей была еще и латынь.

А вот чего почти совсем не было в кириллической части михайловской библиотеки, так это изданий более светского характера, как гуманитарного, так и природоведческого направления. Наверное, самой большой тематической группой после богословского цикла была литература по философии. В первую очередь, это собрание классических сочинений Аристотеля (Лион, 1590) и Платона (Лион, 1550, в редакции Марсилио Фичино), Цицерона (Венеция, 1619; Париж, 1751), Пьетро Антонио Манзони («Зодиак жизни», Париж, 1566) и Корнелия Форминкария (Франкфурт, 1597), Генриха Корнелия Агриппы, Беды Достопочтенного, Боэция. Среди философских сочинений XVII в. выделялись «Новый органон» Фрэнсиса Бэкона (Лион, 1645), «Натуральная философия против Аристотеля» Себастьяна Бассона/Бассо (Амстердам, 1649), которому противостояли книги Себастьяна Фокса «О натурфилософии по Аристотелю и Платону» (Лион, 1622), «Перипатетическая физиология» лютеранина Иоганна Магируса (Франкфурт, 1619) и «Универсальная логика Аристотеля» Франсиско де Толедо. Для интеллектуала XVII–XVIII вв. важное значение имели философские компендиумы авторства Альберта Швайцера (1700) и книги немецкого просветителя Христиана фон Вольфа («Philosophia rationalis sive logica», Франкфурт, 1740; «Philosophia Practica Universalis», Франкфурт, 1738; «Philosophia Practica Universalis», Франкфурт, 1739; «Philosophia Prima, sive Ontologia, Methodo Scientifica», Франкфурт, 1740), а также его последователей Андреаса Бойма («Logica in vsum auditorii sui ordine scientifico conscripta», Франкфурт, 1762) и Иоганна Винклера («Institutiones philosophiae universae», Липсия, 1742). Популярными в это время были и справочники по философии Этьена Хаувина («Lexicon Philosophicum», Люэн, 1713) и Андреаса Семери («Triennium philosophicum», Венеция, 1723). Философия как «царица наук» в период барокко формировала сознание и саму личность, посему вся перечисленная литература могла формировать в среде читающей на иностранных языках братии Михайловского монастыря человека «западного толка». Философия и философствование в то время сами по себе были «зеркалом», представляющим образ мышления современников. Насколько это могло отразиться на монахах обители, сказать трудно, но несомненно, что те из них, кто учился в Киевской академии, были подвержены такому влиянию.

Сочинений по риторике в кириллической части библиотеки не было вообще, в рукописном собрании хранились латинские курсы риторики Феофана (Прокоповича), Вениамина (Богацкого), Иллариона (Негребецкого), Игнатия (Бузановского), Георгия (Щербацкого) и др. [Петров, 1896, 232–246]. На латыни в михайловской библиотеке было также 12 печатных изданий, которые начинала, конечно же, «Риторика» Цицерона (Страсбург, 1587), «Поучения оратору» Марка Фабия Квинтиллиана (Кёльн, 1534) и сборник Валерия Максима (Париж, 1544). Из более поздних изданий выделялись «Прогимнасмата» Афтония Антиохийского (Париж, 1685), курс польского иезуита Яна Квяткевича (Калуш, 1682) и знаменитые учебники по риторике поляка Михала Радау и испанца Франсиско Суареса. Риторика для XVII–XVIII вв., в частности в Киеве, была основой общения и впечатления, она нужна была каждому образованному

человеку, чтобы его адекватно воспринимало общество, в монастыре же она нужна была для проповедничества и для общения с прихожанами и паломниками. И вот эта обширная сфера «мастерства говорения» воспитывалась на указанной выше литературе, предлагавшей свои «шаблоны» и «образы», почерпнутые в античности, в древности, на Западе, но не в Византии и не на христианском Востоке.

К «мастерству говорения» примыкал и материал мировой истории, используемый в общении на разных уровнях. Летописи, хроники, иные исторические нарративы в кириллической части михайловского собрания напрочь отсутствовали. Информация даже «Повести временных лет» достигала умов киевского монашества почти исключительно через польских хронистов XVI в., использовавших летописи как источник, в частности через Мацея Стрыйковского и Алессандро Гваньини. Не была исключением и михайловская библиотека. Исторические труды в ней были представлены главным образом иностранными текстами (15 изданий): классическим трудом «Ecclesiastica Historia» Евсевия Кесарийского (Антверпен, 1568), который на русский язык был переведен лишь в 1786 г. (но весь тираж был сразу конфискован), сборником сочинений Иосифа Флавия (Кёльн, 1691), историей об Александре Македонском Квинта Курция Руфа, «Ex Trogi Pompeii Historiis Philippicae» Помпея Трога в редакции Марка Юстина с изложением истории Македонии времен Филиппа и Александра (Амстердам, 1638), «Admiranda, siue, de magnitudine Romana» Юста Липсия (Антверпен, 1605), «Rationarium temporum» с хронологическими таблицами церковной и светской истории от творца хронологии эры до Рождества Христова Дионисия Петавиуса (Париж, 1641), «Historiarum Totius Mundi Epitome» Иоханна Ключера (Амстердам, 1668), «De Historia Sacra Patriarcharum exercitationes selectae» Иоханна Генриха Хайдеггера (Амстердам, 1688–1699), «Historia universalis» автора теории трех эпох (античность, Средневековье, Новое время) Кристофа Целлария (Иена, 1741), «Institutiones Historiae Christianae a saeculo I usque ad XVIII», охватившую историю христианства за 18 веков (три тома, 1766–1767), «Vitae excellentium imperatorum» Корнелия Непота. Итак, михайловская братия могла постигать историю в первую очередь античности, образы которой пронизывали всю гуманитаристику XVII–XVIII вв. и курсы Академии. Церковная история представлялась через призму ее западного понимания и интерпретаций. Над всем преваляла история Европы, и совсем не было книг по истории Руси древней и новой. Ею интересовались лишь интеллектуалы, которые сами пытались создавать исторические труды, как архимандрит Феодосий ((Софонович); о нем, его библиотеке и сочинениях — ниже).

Но вот географических трудов в михайловской библиотеке было совсем немного: сочинение античного географа Гая Юлия Солина «Collectanea regum memorabilium» (Ангулем, 1634) и знаменитый атлас Иоханна Баптисты Гомана (Нюрнберг, 1692). Мир монастыря был замкнут, лишь некоторые из братии были за чертой Киева и околиц, единицы обучались за границей, посему география была «виртуальным миром», который оставался недоступным, а потому малоинтересным, он познавался лишь через изучение географии Божьего мироздания, в отличие от сфер небесных — астрономии и астрологии.

Интересен подбор правовой литературы в собрании Михайловской обители, эта часть собрания состояла из пяти изданий. Естественно, главной была классическая книга «Corpus juris civilis» (Лион, 1533) и в тандем к ней — комментарии к кодексу Юстиниана («Commentaria In Primam Codicis partem»), Лион, 1550) «отца юриспруденции» и «светоча права» Бартоло де Сассоферрато. Естественно для Киева — города с магдебургским правом — были издания «Juris municipalis magdeburgensis» и «Promtuarium juris provincialis saxonici» (Замостье, 1601, 1602). Но самым любопытным все же был сборник синодальных постановлений Гнезненской провинции Римской церкви «Constitutiones Synodorum Metropolitanae Ecclesiae Gnesnensis provincialium», который попал в монастырскую библиотеку, по-видимому, как наследие кого-то из лиц, ранее побывавших в Гнезно. Завершало юридическую подборку издание XVIII в. — книга Иоханна Хайнециуса «Elementa juris naturae et gentium». Зачем монастырю все эти

издания? Дело в том, что Михайловской обители, как и всем остальным, постоянно приходилось судиться, отстаивать право собственности на землю, привилегии и пр. Монахи сами должны были быть адвокатами и обвинителями, им (особенно эконому и казначею) нужно было иметь хорошую подготовку в правовой казуистике, базирующейся в регионе на римском праве и городском (магдебургском) законодательстве.

Конечно, михайловская библиотека содержала также книги иного светского направления. Например, медицина была представлена не только книгой шотландца Джеймса Примероза «Enchiridion» (Амстердам, 1654) — справочником по фармацевтике, но и тремя справочными томами «Acta Medica & Philosophica» (Копенгаген, 1673–1677), издаваемыми Томасом Бартолино, «Institutiones Materiae Medicae» (Иена, 1737) Германа Тейхмейера, а также двумя книгами известного немецкого доктора, основателя современной терапии Германа Бюргаво («Praelectiones publicae de morbis oculorum», Геттинген, 1750; «Aphorismi de cognoscendis et curandis morbis», 1713), его лекции о глазных болезнях были изданы на русском языке в 1798 г. Несомненным медицинским шедевром был 9-томный труд Фридриха Гофмана «Medicinae Rationalis Systematicae» (Франкфурт, 1738). Специальное значение имело издание Иоханна Шрейбера с анализом протекания чумы в Украине в 1738–1739 гг. «Observationes et cogitata de peste, quae in annis MDCCXXXVIII et MDCCXXXIX in Ukraina grassa est» (СПб., 1740). А вот среди кириллической части библиотеки был лишь один рукописный «Лечебник» XVIII в. Так что не только интеллект и душа иноков, но и их тело «пользовались» латинскими пособиями, которые «внедряли» свой вектор мышления и восприятия мира, отличный от православной кириллической классики.

В некоторой степени к медицине примыкают и астрономо-астрологические труды, которых среди латинской части собрания было, правда, лишь несколько. Среди них раритетные издания Андреаса Перлаха «Commentaria ephemeridum» (Вена, 1551), безымянное краковское издание «Iudicia varia Astrologica, absque initialibus foliis. ab anno 1519 ad annum 1532» и классический труд Джона де Сакробоско «Libellus de Sphaera» (Виттенберг, 1601). Новые астрономические труды были представлены «Cosmologia Generalis» (1737) Христиана Вольфа и двумя зачитанными экземплярами книги Леонарда Эйлера о движении Луны (СПб., 1772). Итак, «мир небес» также представлялся «на латыни» и в соответствии со знаниями Запада об этом мире и самом мироздании. «Зеркало небес» для михайловских иноков могло открыться лишь через «латинские врата».

Конечно, латиническая часть библиотеки не могла обойтись без словарей. Среди них выделяются четыре словаря итальянского монаха Амброджио Калепино, в том числе словарь на одиннадцать языках. Следует упомянуть и о польско-латинско-греческом словаре Григория Кнапского (Краков, 1621). Здесь были также словари на десяти языках (1588), на восьми языках (1609) и др. Еврейский язык изучали в Киевской академии по книге, которая была и в михайловской библиотеке, — «Trium Scriptorum Illustrium De tribus Judaeorum Sectis Syntagma» Якоба Тригланда (1703). У всех этих классических замечательных словарей была лишь одна русскоязычная альтернатива — «Лексикон трехязычный» Федора Поликарпова московской печати 1704 г.

В целом, среди печатных изданий библиотеки Михайловского монастыря (подсчеты сделаны Богданой Тараниной) больше всего было немецких (на латыни) книг (более 20 издательств, 72 издания), затем польских (13 издательств, 49 изданий на польском языке и 14 на латыни) и французских (42 книги на латыни и несколько французских, в большинстве случаев парижского происхождения), около 11 книг итальянских (в основном, издательство Венеции, по несколько Рима и Болоньи), 6 книг швейцарского происхождения (в основном, базельских). Около 8 латинских изданий были опубликованы в Киеве, Чернигове и Остроге и всего несколько — в Санкт-Петербурге. По тематике латинические издания распределились следующим образом: 57 по всем направлениям богословия, 29 по философии, 15 по истории, 12 по риторике, 10 по медицине, по 5 из юриспруденции и астрономии-астрологии и по несколько экземпляров другой тематики. При этом богословская литература занимала всего 34 %

латинического библиотечного собрания, а светская — 66%, тогда как среди 185 кириллических изданий только две книги относились к светским дисциплинам («Лексикон триязычный», Москва, 1704, и «Арифметика» Леонтия Магницкого, Москва, 1705) [Ульяновский, Кошіль, 2008, 131–183].

Так в Михайловской библиотеке весьма неравномерно и неравноценно соединились восточно-христианская традиция и западные достижения богословской мысли и иных, особенно светских, наук [Исаевич, 1995]. В ней однозначно и по всем направлениям доминировала латиническая книжность, а значит, соответственная система мышления, восприятия мира, разума, знаний как таковых и, что важнее, — самой веры, христианства в его высшем проявлении — богословии. «Библиотечное зеркало» Михайловской обители отражало больше человека христианского Запада, нежели христианского Востока, латинское доминирование было явным. Иное дело, насколько оно проникало в монашескую среду или же бросало свой отблеск только на академистов, составлявших очень небольшую часть братии, однако однозначно представлявшей священноначалие во всех киевских обителях.

Для сравнения приведем общую информацию о библиотеке митрополичьего Софийского монастыря. Она состояла из 826 томов, включая раритетные 5 инкунабул и 28 палеотипов. Большинство книг (534 наименования) — на иностранных языках, кириллицей — всего 108 книг (среди них два экземпляра «Острожской Библии» 1581 г., два экземпляра «Лекарства на оспалый умысл человечесий» острожской печати 1604 г., виленский 1617 г. и стрягинский 1604 г. Службники, «Беседы» свт. Иоанна Златоуста киевской печати 1624 г. проповеди Леонтия Карповича 1615 г.) и 42 рукописи (в том числе тексты свт. Григория Солунского и Нила Кавасилы, антираскольничий сборник, перевод труда Досифея Сочавского, рукописи с автографами митр. Петра (Могилы)). Кроме того, опись 1769 г. фиксирует 116 книг частного владения — как правило, это иностранные издания, приобретенные монахами, обучавшимися за рубежом (например, Давид (Нащинский) — в Галльском и Саксонском университетах, Давид (Сухозагнет) в нескольких немецких университетах) [Шамрай, 1993, 28–30]. Кроме того, в библиотеке на XVIII в. хранились 186 рукописных конволютов (в целом на начало XX в. в наличии было 734 рукописи) [Петров, 1901, 22–23].

Сегодня о составе Софийской библиотеки мы можем судить на основании нескольких ее реестров второй половины — конца XVIII в. (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 2440–2441)². Иностранные книги в этих каталогах разделены на 15 рубрик, среди которых особенно описаны (с подробными аннотациями) греческие книги (19), как полагают, из-за незнания языка большинством иноков [Прокоп'юк, 2003, 154–155]. В соответствии с каталогом, латиническая часть софийской библиотеки содержала 19 Библий и конкордаций (тематических указателей) к ним, 34 книги по гомилетике, 29 книг по аскетике и догматике, 8 словарей на разных языках. Исследователи констатируют незначительное наличие текстов святоотеческого наследия, отмечая отсутствие обязательных сочинений свв. Иоанна Синайского, Петра Дамаскина, Никона Черногорца, Исаака Сирина, Феодора Студита, Нила Синайского, Гигория Омиритского, Василия Амасийского, а также отсутствие Скитского, Азбучного и Синайского патериков — все эти тексты были в российских монастырях в немалом количестве [Сінкевич, 2014, 605]. Подавляющее большинство книг было на латыни и польском, как и в михайловской библиотеке, а большинство кириллических изданий датировано XVIII в., когда книгоиздание в Российской империи стало весьма активным (Киев, Чернигов, Санкт-Петербург, Москва). Конечно, среди кириллических изданий преобладают тексты Святого Писания, богослужебные, некоторые святоотеческие произведения и пр. традиционный набор православной литературы, но в XVIII в. библиотека пополняется также светской, исторической литературой и переводами (даже отмеченные «лютеранской ересью», как «Богомыслие» Иоханна Гергарда). Каталог фиксирует наличие в библиотеке 7 греческих венецианских изданий, арабского Евангелия

² Полное издание каталога книг 1769 г. см.: [Сінкевич, 2014, 609–639].

(по-видимому, изданное на средства Ивана Мазепы в Алеппо в 1708 г.) и какой-то книги на «валашском» языке. В латинической же части софийской библиотеки преобладали книги на латыни, а также польское, с вкраплениями изданий на итальянском, французском и иврите. Впрочем, следует отметить, что в софийской библиотеке не было ранних печерских изданий на польском — «Патерикона» Сильвестра (Коссова) 1635 г. и «Тератургимы» Афанасия Кальнофойского 1638 г., в то же время европейские издания однозначно доминировали. Здесь наблюдается такое же тематическое разнообразие и во многом те же самые издания, которые мы видели в обзоре михайловской библиотеки, при этом также однозначно преобладают тексты католических и протестантских авторов по экзегетике, гомилетике и пр. Отметим среди оригинальных «Сентенции» Петра Ломбардского и комментарии к ним, сочинения доминиканских авторов — Петра де Палуде, Иоханна Эка, Людовика из Гранады. Интересно также наличие изданий внутриорденского доминиканского значения: сборники генеральных капитулов (1638 г.), доминиканский миссал, книга братства Розария, история Руськой доминиканской провинции Симона Окольского, сборник иезуитских орденских постановлений 1635 г. и немало школьных учебников иезуитских авторов (греческой грамматики Якова Гретсера, риторики Киприана или Франсиско Соареса, диалектики Франсиска де Толедо и др.). Указанные книги позволили сделать вывод, что в софийскую библиотеку были переданы книжные собрания упраздненных киевских католических монастырей, в частности доминиканского и иезуитского, ликвидированных в 1648–1650-х гг. [Сінкевич, 2014, 607]. Даже если это так, то следует подчеркнуть, что книги не были сожжены или разграблены, но сохранились при митрополичьей кафедре, где и читались просвещенной братией.

Особое значение для монахов Софийской обители имела подборка изданий (полтора десятка), касающихся проблем Святого Духа и Непорочного Зачатия Богородицы, которые активно дискутировалась в полемике католиков и православных. Для истории Украины и Киева, в частности, немалое значение имела коллекция польских хроник Яна Длугоша, Мартина и Иоахима Бельских, Мацея Меховского, Мацея Стрыйковского, трудов по истории шляхетских гербов Симона Окольского и Каспера Несецкого [Сінкевич, 2014, 607–608]. Также наблюдается стремительное увеличение книг светского характера. Митрополичий Софийский монастырь, основанный митр. Петром (Могилой) (до него с первого десятилетия XVII в. был основан униатский монастырь, поскольку София была передана униатскому Киевскому митрополиту), как и Михайловский, «разгерметизируется», утрачивает признаки замкнутого сообщества и институции, заостренной только на богослужение и молитву, наблюдаются некие процессы «секуляризации» интеллектуально-духовного образа обители и ее насельников. Видимая «толерантность» в собирании, хранении и чтении книг разных направлений религиозной мысли фактически является наследием речпосполитских практик православных монастырей Киевской митрополии. Впрочем, нельзя не учитывать, что Софийский монастырь имел особый статус — он был центром комплектации профессорского состава Киевской академии, а также средоточием карьерного роста монашествующих, которых направляли на игуменство в другие обители, назначали на высшие церковные должности и епископство. Соответственно, здесь концентрировался цвет монашества всей митрополии, этот состав отражает и монастырская библиотека, особенно книги из частных собраний, попавшие в нее как дар, завещание или по смерти образованных иноков [Прокоп'юк, 2003, 159–161]. Все это и обуславливает тенденцию увеличения процента «рацио» в «библиотечном зеркале» софийской библиотеки, в которой также однозначно звучит латинская доминанта.

Библиотека Николо-Пустынного монастыря, одного из древнейших, находившихся вблизи Киево-Печерского, по описи 1787 г. содержала 170 кириллических книг, 319 латинских, 67 польских, 8 греческих, а в храмах обители хранилось еще 185 книг (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 5534. Л. 1–124). Большинство кириллических изданий — XVIII в., среди них есть и книги светского характера, изданные в Санкт-Петербурге и Москве. Но основу библиотеки составляла, как и в двух выше рассмотренных, латинская

и польская книга. Состав латинической части никольской библиотеки мало чем отличался от михайловской. Отметим лишь особенно оригинальные тексты: сочинения Савонаролы, постановления Тридентского Собора, труды Кальвина, а также сочинения по экспериментальной физике, геометрии, греческой грамматике, произведения Плутарха и Птолемея, «истории» Египта, Карфагена, европейские хроники (из русских можно назвать разве что «Краткий российский летописец»). Литература «прикладного» церковного и политического характера все же была и на русском: Табель о рангах, Духовный регламент, Русско-английский мирный трактат и пр. [Яременко, 2000, 124–127]. Впрочем, в библиотеке находилась и, судя по пометам, читалась книга Иннокентия (Гизеля) «Мир с Богом человеку», запрещенная в 1690 г. патр. Иоакимом как «пролатинская».

Конечно, самой большой библиотекой Киева была академическая. В соответствии с отчетом академического начальства, после пожара 1780 г., в ней хранилось 8632 книги (Акты и документы, 1906, 256). К этому следует прибавить еще учебные книги бурсацкой библиотеки, основанной в 1768 г. ее выпускником, известным историком Николаем Бантыш-Каменским, влед за которым многие выпускники Академии стали передавать книги в *alma mater*, так собралось 1167 изданий, 80% которых вышли в свет в XVIII в. (ИР НБУВ. Ф. 312. Д. 10/371). Подавляющее большинство (около 90%) книг собственно академической научной библиотеки были латинические, а вот большинство бурсацкого фонда — кириллические [Шаріпова, 2000, 90]. При этом вновь подчеркнем, научная академическая библиотека в основном состояла из книг митр. Петра (Могила) (2131 том) и отражала его интеллектуально-духовные приоритеты, как и других иерархов-дарителей. С другой стороны, они же понимали, что собранные ими книги на разных языках и разнообразной тематике могут «жить» лишь в стенах Академии, в руках профессоров и студентов, но не в монастырях, даже в таком, как митрополичий Софийский [Голубев, 1878, 257–268].

Исследователи специально отмечают также, что в XVII–XVIII вв. в Киеве, в том числе в монастырских библиотеках (софийской, михайловской, лаврской, академической) были особенно популярны польскоязычные издания, поскольку польский язык оставался наравне с барокковым украинским в быту, литературе, политике, науке. В частности, библиотеки содержали поэтические сочинения и сборники культовых польских авторов — Яна Кохановского («*Psalterz Dawidów*», Краков, 1604, 1629), Самуила Твардовского («*Woyna domowa*», Калиш, 1681), Шимона Шимоновича («*Śielanki*», Краков, 1680), сентенции Беняша Будного («Апофегматы»), произведения Сарбеевского, Квяткевича, Писарского, Бочиловица, Киприна Соари, «Освобождение Иерусалима» Торквато Тассо в польском переводе (Краков, 1684). Много польскоязычных книг касалось проповеднического жанра — книги Ф. Бирковского, С. Старовольского, А. Кохановского, Ф. Рыхловского, Т. Млodziановского, А. Янушевского. Несомненной популярностью пользовались также присутствовавшие в больших киевских монастырских библиотеках польские (и «условно польские», поскольку авторы не были поляками) хроники Вацлава Кадлубка, Яна Длугоша, Мартина Кромера, Мартина и Иоахима Бельских, Мацея Стрыйковского, Алессандро Гваньини, Николая Кояловича, Павла Пясецкого и др. Показательна также популярность польских Библий. Исследователи указывают, что именно через польские издания и польскую литературу на протяжении XVII — первой половины XVIII в. осуществлялась ретрансляция западноевропейских интеллектуальных и духовных тенденций, оказавших весьма сильное влияние на интеллектуально-духовную сферу киевской монастырской элиты [Дзюба, 2004, 364–372].

Теперь посмотрим, насколько отличаются от главных библиотеки окраинных киевских монастырей — Троицкого Кирилловского и Выдубицкого Чуда архангела Михаила в Хонах.

Рукописный реестр имущества Свято-Троицкого Кирилловского монастыря 1767 г. представляет следующую ситуацию. Книги традиционно разделялись на церковные, используемые во время треб и литургий (81 экземпляр), и собственно библиотечные.

Среди церковных книг особо выделялась «Книга чинопоследования о принятии иноверных в чин монашеского малого и великого образа» и «Две книги о постриге в чин монашеский малого и великого образа» (ЦГИАУК. Ф. 888. Оп. 1. Д. 13. Л. 20–21 об.). Эти два издания маркируют важные процессы: прибытие в Киев униатов и представителей других конфессий из польской части Правобережной Украины и их конверсию в православие, а также, что не менее важно, серьезные практики подготовки к монашескому постригу. Среди книг библиотеки преобладали «давние», т. е. те, которые хранились в обители давно и пребывали в соответствующем физическом состоянии. Среди «новых» книг названо всего несколько, при этом все они были подарены в обитель «доброхотами» при игумене-интеллектуале Тарасии (Вербницком) в 1765–1767 гг. Что это были за книги? Триодь, Павечерник, Правильник и Пролог (последний подарен местным жителем Михаилом Кушинским в 1767 г.). Это указывает, что, как и в других монастырях, прихожане дарили в обитель церковнослужебные книги как молитву о себе и родственниках, но не как «книги познаний». В собственную библиотеку насчитывалось 87 книг, среди которых преобладали иноязычные издания. Последний факт свидетельствует, что библиотека пополнялась книгами частных собраний братии, в основном по смерти собственников. Свои же библиотеки здесь, как и в других монастырях, собирали только интеллектуалы-академисты, что и обусловило преобладающее содержание кирилловской библиотеки, не отличавшейся в смысле «латинизации» от остальных киевских монастырских собраний [Яременко, 2004, 347–348]. Кириллических книг в кирилловской библиотеке было всего 29. Они распределялись по блокам: Священное Писание (Библия); Учительное Евангелие; сочинения отцов Церкви — Иоанна Златоуста, Григория Назианзина, Василия Великого, Афанасия Александрийского, Иоанна Дамаскина; «Печерский патерик»; историко-географические труды (история древней Церкви Роллена, вступление к европейской истории Пуффендорфа, «Описание Сибирского царства», «История разорения Иерусалима»; сочинения современных церковных деятелей (Феофана (Прокоповича)); царские указы, «Духовный регламент» и «Уложение Алексея Михайловича» 1649 г.; сочинения античных авторов (Вергилия, Цицерона); светские издания (воинский устав, описание кометы 1744 г., учебники по географии и языкознанию). Иноязычных книг в библиотеке было 58, они также разделялись по тематическим группам (ЦГИАУК. Ф. 888. Оп. 1. Д. 13. Л. 22 об.–25): латинские Библии и толкования на разные книги Священного Писания, Симфония, сочинения по литургике, произведения отцов Церкви (Дионисия Ареопажита) и многочисленные классические богословские труды (блж. Иеронима, Петра Ломбардского, Иоанна Моравского), новейшие богословские трактаты на разнообразные темы (например, о смерти и науке умирания Теодора Заваского), папские декреталии (папы Бонифация), сочинения Марийного цикла, полемические произведения (Цезаря Барония), проповеди (Франциска Рыхловского), церковные и монастырские уставы, медитативные тексты (Николая Руджиери), сочинения античных авторов (Сенеки), политические трактаты, франкоязычный атлас с 21 картой, учебники по риторике, грамматике, логике, физике и философии (Баумайстера), панегирики (Казимира Виюка Кояловича). Среди польскоязычных изданий было и черниговское 1678 г. сочинение Иоанникия (Галытовского) «Stary Kościół Zachodni nowemu Kościołowi Rzymskiemu pochodzenie Ducha Ś. od Ojca Samego, nie od Syna pokazuje». По поводу всех этих иноязычных изданий составитель каталога указал: «давние все». Следовательно, эта часть библиотеки на 1767 г. была менее актуальной. Собственно, она, как отмечалось, формировалась лицами, которые имели отношение к Киевской академии — преподавали или обучались в ней. Например, игумен Мельхиседек (Орловский) оставил после себя 34 книги, среди которых 31 латинская, архим. Кирилл (Кучеровский) — 16 книг (все кириллические, в основном богослужебные, агиографические: жития святых в 4 томах, Печерский патерик, поскольку Кучеровский окончил лишь класс пиитики Академии), а Николай (Цвет) — 83 тома иностранных изданий (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 1024. Д. 2691. Л. 3 об.; Оп. 178. Д. 43. Л. 19–20; Оп. 159. Д. 114. Л. 17–18.).

Итак, библиотека обители не имела специальной ориентации на круг чтения монашествующих, которым положено было читать «Лествицу» прп. Иоанна Лествичника, сочинения о постничестве свт. Василия Великого, многочисленные поучения свв. Иоанна Златоуста и Григория Великого о монашеской жизни и пр.: именно святоотеческой литературы в библиотеке и в кириллической, и в латиношрифтовой частях было весьма мало. Впрочем, в достаточном количестве здесь были тексты Святого Писания на разных языках и толкования к ним. Однако все же большинство изданий, особенно иноязычных, было направлено на развитие интеллекта читателя, так сказать, «во внемонастырской сфере» — в основном в духовно-богословской, историко-церковной и, в малой степени, общеобразовательной. В целом же монастырская библиотека на 1767 г. не была рассчитана на общую братию, а отражала предпочтения отдельных лиц, главным образом ученых игуменов, которые имели прямое отношение к ее формированию, и в этом смысле она не выпадала из общей системы киевских монастырских библиотек, разве что была скуднее.

А вот состав библиотеки Выдубицкого Чуда архангела Михаила монастыря, сведения о которой сохранились на уровне описания 1765 г., был несколько иным. К тому времени она содержала 83 наименования печатных кириллических изданий. Это главным образом церковнослужебные книги, Библии, жития святых, толкования Священного Писания, катехизисы, сборники проповедей, сочинения богословов Киевской академии того времени — Иоанникия (Галытовского), Лазаря (Барановича), Феофана (Прокоповича), Антония (Радивиловского) и др., а также лексиконы. Тридцать рукописных книг имели тот же состав по тематике. Интересно, что из числа специальных текстов, необходимых для чтения монахам, была в наличии только «Лествица» прп. Иоанна Лествичника, но не было ни сочинения свт. Василия Великого о постничестве, ни текстов свв. Максима Исповедника, Пахомия Великого и пр. Латинских книг в библиотеке насчитывалось 29. Это Библии, комментарии к Евангелиям, гомилии, философские и теологические трактаты, словари и «Органон» Аристотеля. Собрание имело также 23 польские книги, по преимуществу проповеди, жития святых, тексты богословских диспутов. Общее количество изданий (кириллических и латиницей) составило 165 наименований (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 1024. Д. 1549. Л. 6–10 об., 15–18, 20–21). Таким образом, Выдубицкая библиотека на те времена была достаточно презентабельной в отношении книжного собрания. Она отличалась самым большим количеством кириллических книг среди киевских монастырских библиотек.

Когда же в 1776 г. по смерти игумена Иакова (Воронковского) новый настоятель Мельхиседек (Значко-Яворский) принимал монастырь, то по описи имущества оказалось, что в библиотеке уже 201 издание. Ценность этого нового инвентаря — в том, что в нем сами издания были названы точнее, а также указывались места и даты их появления из печати. В то время самыми ценными книгами в библиотеке были: рукописное Евангелие (переписано в 1561 г.); Острожская Библия 1581 г.; ранние печерские издания — Евангелие 1637 г., «Беседы Иоанна Златоуста» 1624 г., «Законоправильник» 1629 г., «Параланфия сиречь утешительная мольба к Господу» 1634 г.; История Варлаама и Иоасафа прп. Иоанна Дамаскина кутейнской печати 1637 г.; виленские издания — «Казанье Св. Кирилла Иерусалимского» 1596 г. и беседы Макария Пустынника 1627 г. В целом кириллических изданий и рукописей насчитывалось 151 экземпляр. Латинских книг оставалось 25, а также 7 рукописных, польскоязычных изданий — 25. Старейшими среди иноязычных изданий были: сборник проповедей разных греческих авторов, составленный иезуитом Якобом Венгровичем в 1573 г.; познанское издание 1612 г. сочинения о христианском совершенстве; краковское издание бернардинов 1612 г. «Книга визерунка земного» и богословские трактаты Яна Кассиана Эремиты в краковских изданиях 1603–1604 гг. (возможно, все эти книги ранее принадлежали униатскому архимандриту Антонию (Грековичу)) (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 169. Д. 20. Л. 24–47). Эта официальная опись 1776 г. накладывается на внутримонастырское описание 1775 г. В последнем названы в первую очередь те книги, которые находились в церквях: 12 Евангелий (самое раннее 1636 г. с дарственным автографом митр. Петра

(Могилы) от 27 мая 1642 г., и такое же, подаренное в 1660 г. миргородским полковником Григорием Лесницким) и 37 церковнослужебных книг (все второй половины XVII–XVIII вв.). Но самым ценным для нас является то, что в этой описи 1775 г. все библиотечные книги описаны подробно и точно. Именно здесь фиксируется факт, что в библиотеке было два экземпляра Острожской Библии 1581 г. А среди раритетов, кроме уже названных выше, здесь указаны: книги печерской печати — Беседы прп. Иоанна Златоуста на Деяния апостолов 1624 г., Номоканон 1629 г., «Крест Христа Спасителя» 1632 г., Учительное Евангелие 1637 г.; латинская Библия (колонское издание 1609 г.), латинское издание прп. Ефрема Сирина 1616 г., польскоязычная Библия гданьской типографии 1632 г. в двух экземплярах. Среди рукописей выделялось рукописное Евангелие 1561 г.; список службы, жития и чудес прп. Сергия Радонежского (с московского печатного издания 1647 г.). Среди латинских книг особо выделялось уникальное издание 1441 г. Фомы Кемпийского «О наследовании Христу» (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 2. Д. 552. Л. 5–31 об.).

Из перечисленного репертуара книг и рукописей Выдубицкой библиотеки видно, что в основании ее формирования лежал ярко выраженный церковнослужебный характер изданий и рукописей. Богословские трактаты, толкования, проповеди, латино- и польскоязычные издания, скорее всего, попадали в библиотеку после смерти монахов, и главным образом игуменов-интеллектуалов, которые обучались и преподавали в Киевской академии. А вот кириллические — по смерти рядовых иноков: Библия московской печати 1762 г. (по смерти иеромонаха Патрикия), «Исповедание веры» московской печати 1744 г. (после смерти иеромонаха Савватия), Псалтырь с толкованием печерской печати 1802 г. (послушника Иакова Черноморца) (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 947. Л. 9–10) [Описание рукописей, 1916, 182–221].

Наконец, в сравнительном аспекте упомянем и библиотеку Межигорского Спасо-Преображенского монастыря, состав которой известен благодаря описям 1777 г. (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 5516. Л. 121–130 об.) и 1786 г. (ЦГИАУК. Ф. 132. Оп. 2. Д. 68. Л. 1–12; Д. 81. Л. 132 об.–138 об.). К нашему времени сохранились 33 рукописные книги из этой библиотеки [Иванова, Лось, 2008, 168–181]. Книжное собрание обители, по описям, составляло 841 том (395 позиций), из них 124 — «церковной печатью» (443 тома) и 46 «гражданской» (71 том), 114 на латыни (176 томов) и 54 на польском языке (остальные не указаны), а также 80 рукописных конволютов (53 позиции). Кириллическая часть библиотеки была представлена традиционной богослужебной литературой, а также текстами отцов Церкви (в большинстве в рукописях — свв. Афанасий Синаит, Григорий Синаит, Иоанн Златоуст, Исаак Сириянин, Григорий Богослов, Феодор Студит, печатные книги — свв. Василия Великого, Иоанна Златоуста и также Марка Аврелия), догматической и полемической литературой («Артикулы против латинян», «Меч духовный» Лазаря (Барановича), «Ключ разумения» и «Мессия правдивый» Иоаннкия (Галатовского), «Камень веры» Стефана (Яворского)), проповеднической литературой (тексты Феофана (Прокоповича), Сильвестра (Кулябки), свт. Димитрия Ростовского), а также двумя лексиконами (Памво Беринды и славяно-греческо-латинским). Печатная продукция XVIII в. была представлена главным образом петербургскими изданиями, притом среди них было немало светских книг. В частности, переводные исторические труды о древних народах Ш. Роллена, о разорении Иерусалима и Трои Г. Колонне, летописец М. Ломоносова, перевод Геродота, «Синописис» Гизеля, издание «Физики» Вольфа, «Минералогии» И. Г. Валериуса, «Математики» С. Я. Румовского, «Арифметики» Н. Г. Курганова. В библиотеке были также литературные сочинения Михаила Ломоносова («Героическая поэма Петру Великому»), Дж. Баркли («Аргенида повесть героическая», в переводе), А. Р. Лесажа («Баккалавр Саламанкской, или Похождение донна Херубина де ла Ронда», в переводе).

Латиническая часть библиотеки состояла почти на 2/3 из латинских изданий, затем польских и нескольких французских. В тематическом ключе она разделялась на сочинения по экзегетике (два издания Библии в переводе французского протестанта Себастиана Каstellи, два издания посттриденской Вульгаты, шесть

польских Библий в переводе иезуита Якова Вуека, и это при том, что кириллических текстов Библии всего семь; 9-томное издание «Святых критиков» Иоанна Прицеуса, комментарии на Евангелия Фомы Аквинского — «Золотая цепь», книги Корнелиуса а Ляпиде), по патристике (сочинения прпп. Иоанна Кассиана, Иоанна Златоуста, сборник из текстов святых отцов на Псалмы), догматической и полемической литературе (сочинения Роберто Беллармино и протестантского автора Александра Алеса, польскоязычные сочинения францисканца Антония Венгриновского («Алфавит Непорочного Зачатия Девы Марии»), книги иезуитов Теофила Рутки и Петра Скарги. Отдельно отметим наличие польскоязычного «Треноса» Мелетия (Смотрицкого) 1610 г., когда он еще был православным, а также других текстов украинских полемистов — Иоанникия (Галытовского) «Мессия праведный», 1672 г. (5 экземпляров), «Старая Церковь», 1678 г.; «Алфавит», 1681 г.; Лазаря (Барановича) «Новая мера старой веры», 1676 г.; два экземпляра «Меч духовный», 1666 г. Агиографические тексты были представлены «Житиями святых» Петра Скарги, «Патериконом» Сильвестра (Косова) 1635 г.; «Тератургимой» Афанасия Кальнофойского 1638 г.; «Аполлоном Христианским» Лазаря (Барановича) 1670 г. Кроме того, в библиотеке были книги мистико-аскетической направленности (сочинения Каспера Вилковского, Фомы Кемпийского, Лазаря (Барановича)), по гомилетике (произведения Лефевра д'Этапля, три тома текстов немецкого иезуита Тобиуса Логнера, Эразма Роттердамского). Книги более светского направления представляли философию (сочинения Аристотеля, Фридриха Баумайлера, Христиана Вольфа), историю (сочинения Курция Руфа, Аппиана, Салиануса, Мацея Стрыйковского), географию («Универсальные реляции» Джованни Ботеро, 1609 г., воспоминания о паломничествах в Иерусалим и Венецию, описание мировых монархий), словари (Амвросия Цепелина), литературу по медицине, астрономии, физике, биологии [Кузьмук, 2014, 169–178].

Итак, в составе библиотек «главных» и «периферийных» киевских монастырей наблюдается две тенденции. В них однозначно доминирует латинская, а затем польская книга. При этом отметим, что постулат о влиянии западной культуры на украинскую через «польский транзит» не вполне оправдан. Собственно латинских изданий, увидевших свет в других европейских странах и типографиях, — больше, чем польских (и по языку, и по месту издания). Это однозначное доминирование напрямую связано с первыми собственниками книг — покупавшими их во время обучения за границей или специально под свои интересы профессорами Киевской академии. Такой состав библиотек однозначно указывал, что в интеллектуальных кругах киевского иночества на первом месте в XVII–XVIII вв. была западная традиция мышления, наблюдался процесс рационализации интеллектуальной сферы и углублялась тяга к богословствованию с использованием разрабатываемых католическими и протестантскими теологами методов. Все это сказалось на многочисленных творческих текстах и опубликованных трудах киевских интеллектуалов. Однако в этом «большом латиническом зеркале» отражалась лишь очень малая часть коллективного портрета киевского иночества. Незначительный слой «монастырской элиты» собирал, передавал латинические издания и пользовался ими. Остальная же, подавляющая часть братии их не читала из-за языковых барьеров и недостаточной подготовки. Для них в библиотеках продолжали накапливать кириллические издания и рукописи. Репертуар кириллической части монастырских библиотек был крайне ограничен, но как раз рассчитан на братию и поддержание ее духа молитвы. В этом «малом кириллическом зеркале» отражалась подавляющая часть братии киевских монастырей. Налицо сильная дихотомия, большой интеллектуальный разрыв, который в фактическом составе библиотек выглядит несколько «искривленным», но это связано с самим отношением к книге: книги ценили, покупали, сохраняли и читали те малые из монашеского стада, кто стремился к знанию как радио, кто обучался в Академии, а большинство же довольствовалось тем, что предлагал сам монастырь в своей библиотеке. Посему собранное «малым стадом» сильно превосходило и подавляло хранящееся для «большого стада» и читаемое им.

3. Книги «живые» и «мертвые»: возможности исследования

Самым сложным для изучения все же остается вопрос о системе чтения не только «большого», но и «малого» иноческого стала. Конечно, совершенно прав Роберт Дарнтон, указавший, что «если мы поймем, как человек читал, мы сможем приблизиться к пониманию того, как он придавал смысл жизни, и, таким образом, историческим путем мы окажемся в состоянии удовлетворить наше собственное стремление к смыслу» [Дарнтон, 2004, 220]. Однако в контексте того, что именно и как читали иноки, далеко не достаточно знать состав библиотек, недостаточно даже изучить сохранившиеся от этих библиотек реальные книги, поскольку маргиналии, заметки, даже капли воска достаточно редки на монастырских конволютах (кроме богослужебных), а их отсутствие совсем не свидетельствует о нефункционировании этих книг.

Для выявления книг «живых» и «мертвых» немалое значение имеет определение общего уровня образованности братии монастырей, чтобы ставить к ней адекватные требования насчет чтения. Не только логика, но и изучение биографических сведений, отчетов и характеристик братии игуменами монастырей однозначно свидетельствует о том, что все иеромонахи и иеродиаконны были грамотными и являлись потенциальными читателями библиотечных книг. Конечно, их уровень образованности был весьма пестрым и во многом зависел от статуса обители.

В частности, в Михайловском монастыре, не говоря уже о Богоявленском Братском, проживали и постригались студенты Киевской академии, соответственно, библиотеки этих обителей наполнялись книгами, оставленными, подаренными или завещанными академистами. Например, большинство рукописных академических лекционных курсов попали в монастырскую библиотеку именно такими путями (ИР НБУВ. Д. П.444-473; П.504-526; П.528). В Софийском монастыре в 1723–1732 гг. из 31 постриженного послушника 21 был «учения латинского», в Пустынно-Никольском — 11 из 20, в Михайловском — 9 из 29. Впрочем, немало этих постриженников сразу же получали разные послушания и покидали обители, о чем свидетельствует тот факт, что в 1739 г. образованных монахов в Софийской обители было всего 6, в Никольской — 10, в Братской — 7–9, в Выдубицкой — 2, а в Кирилловской всего один [Яременко, 2007, 130].

В Николо-Пустыньском монастыре также постригали образованных иноков. Например, в 1724 г. здесь приняли монашество спудеи «учения богословского», «школ латинских» Сильвестр (Шумский), Андрей (Юскевич) и Иоанн (Нерунович) [Яременко, 2000, 120]. О наличии в обители образованной братии свидетельствует создание здесь при игумене Христофоре (Чарнуцком) в 1717 г. знаменитого фальсификата «Соборное деяние Киевское на арменина еретика Мартина» [Козлов, 1996, 22–44], а также составление иеромонахом Иаковом (Блоницким) триязычного «Лексикона».

Отчеты игумена Троицкого Кирилловского монастыря Кирилла (Кучеровского) за 1772–1781 гг. содержат информацию, что большинство братии владело «русской грамотой», но «изрядно» — только несколько лиц: четыре монаха прошли несколько курсов Киевской академии на латинском языке. Сам архим. Кирилл сделал ставку на постриг исключительно образованных послушников, и ему удалось несколько повысить уровень интеллектуальной подготовки братии. При этом Троице-Кирилловский монастырь все же занимал предпоследнее место (после бедного Петро-Павловского) по уровню образованности братии среди всех киевских обителей [Марголина, Ульяновский, 2005, 263].

В отношении более раннего периода важным свидетельством грамотности иноков являются оставленные ими граффити на стенах Кирилловского храма. Исследователями выявлено более двух десятков граффити XIV–XVII вв., главным образом в южной и северной апсидах алтаря, т. е. в жертвеннике и диаконнике, куда могли входить лишь священнослужители и братия. Это в подавляющем большинстве молитвенные и поминальные граффити, иногда с прямым обращением к св. Кириллу о заступничестве [Высоцкий, 1985, 84–101]. Александр Советов еще перед 1914 г. видел больше сохранившихся граффити: «На всех положительно фресках, как в алтарных

полукружиях, так и среднем храме, притворе и даже на столбах выше хор нацарапаны части русские, а больше польские слова (различные имена и фамилии, церковные стихиры и т. п.); он считал, что эти граффити могли быть сделаны до начала XVII в., когда при новом игумене Василии (Красовском) все стены были побелены и затонированы [ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 2303. Л. 163 об.]. Действительно, в частности, польскоязычные граффити после 1605 г., когда монастырь возобновил свою деятельность и беспрепятственно действовал до самого закрытия, не могли появиться в алтарной части.

Хозяйственные книги Кирилловской обители также содержат некую информацию об образовании части братии. В частности, приходо-расходная книга за 1747 г. велась на польском языке, в 1748 г. для монастыря был куплен польский календарь, а в книге за 1748 г. содержится латинское стихотворное сочинение, записанное экономом в две колонки. Наконец, покупка в 1761 г. восьми брусков китайских сухих чернил указывает на некие потребности братии «в письменах», а не только нужды писца хозяйственной книги (ЦГИАУК. Ф. 888. Оп. 1. Д. 6. Л. 6, 44–44 об.; Д. 9. Л. 18 об.). Записи 1785–1786 гг. фиксируют обучение в монастыре грамоте мальчиков, желавших стать послушниками, а затем — монахами, для них покупались буквари и Часослов (ЦГИАУК. Ф. 888. Д. 30. Л. 27, 52 об., 59 об.).

В Выдубичах с образованными иноками было сложнее. Из-за почти полной утраты древней штукатурки и фресок здесь не сохранились внутренние граффити. Лишь на внешних стенах обнаружено несколько их десятков, главным образом древнего периода. К более позднему времени относится всего несколько молитвенных граффити, в том числе монаха Иова [Высоцкий, 1985, 49–50]. В конце XVIII в. в монастырь поступил приказ Св. Синода (от 29 марта 1792 г.) относительно развития интеллектуальной деятельности в монастырях, и в первую очередь исторического направления. В частности, в приказе говорилось: «Св. Синод усмотрел, что в древние времена многие из духовного звания, а особливо из монашества были трудолюбцы, упражнявшиеся в записках о случившихся достопамятностях, которые и к продолжению или поправлению российской истории послужить могут, а в нынешнее время сие полезнейшее упражнение совсем оставлено, так что оное оказалось в некотором сочинении по одной только Астраханской епархии... Приказали... архиереям и настоятелям монастырей всех ведомства своего способных к таким летописям людей, а особливо из ученых, поощрять, чтобы они не оставляли упражнения и в замечаниях случающихся достопамятности потребных к продолжению истории отечества своего, дабы из сего и в будущее время могли последовать подобные, как от древних летописцев, полза» (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 1024. Д. 3227. Л. 2). Для Выдубичской обители указ несколько опоздал: интеллектуал, который занимался подобной работой — игумен Иаков (Воронковский), — уже умер, а нового «способного к летописям» монаха обитель так и не получила не только на конец XVIII в., но и до конца XIX в., когда один из монахов вновь начал вести монастырскую летопись (с 1884 г.).

Уровни образованности братии, конечно, во многом определяло, в какой степени книги монастырской библиотеки будут «живыми» или «мертвыми». В настоящее время для Николо-Пустынного монастыря проведено мини-исследование относительно чтения реально сохранившихся книг его библиотеки (14 печатных и 11 рукописных). Оказалось, что кроме обязательных Евангелий, Бесед Иоанна Златоуста, Триоди, Диоптры и канонов, иноки читали сочинения современных богословов. Например: «Ключ разумения» (Киев, 1639) и «Мессия правдивый» (Киев, 1669) Иоанникия (Галатовского), «Меч духовный» Лазаря (Барановича), «Мир с Богом человеку» (Киев, 1669) Иннокентия (Гизеля), «Обед душевный» (М., 1681) и «Вечера душевная» (М., 1683) Симеона Полоцкого, «Огородок Марии Богородицы» (два рукописных экземпляра) и «Венец Христов» Антония (Радивиловского). Однако больше всего помет и других следов чтения осталось на произведениях свт. Иоанна Златоуста (от 5 до 10 почерков), Гизеля и Полоцкого (не менее 5), «Устав церковный» (рукопись 1643 г.) (около 4 лиц). Рекорд же составила рукописная «Лествица» прп. Иоанна Синайского 1754 г. (не менее 12 читателей) [Яременко, 2000, 135–139]. Казалось бы, это весьма

показательная картина монашеского чтения и функционирования библиотеки, нацеленной на молитвенное чтение, библейские тексты и развивающие душу тексты современных авторов книг кириллицей. Однако из сотен книг монастырской библиотеки изучено лишь 25. Может ли такое исследование быть репрезентативным? И что именно из книг названных современных авторов почерпали никольские иноки?

В настоящее время мы располагаем лишь одним развернутым примером «оживления» книги монахом-читателем. Это киевское 1669 г. издания сочинение Иннокентия (Гизеля) «Мир с богом человеку» с записями читавшего его выдубицкого иеромонаха Исихия (ОСК НБУВ. Кир. 100-П). Записи на польском, латыни, греческом и церковнославянском морализаторского характера. В начале Исихий записал, что «священники толиким разнствием нравов должны превосходити прочих людей, коликим безсловеснии овцы превосходит словесный, пастырь, паче яко небеснии ангелы между человеки житии должны» (ОСК НБУВ. Кир. 100-П, запись на форзаце). А дальше автор в стихотворной форме изложил свои впечатления от прочитанного и полученные выводы. Этот текст весьма обширен, посему приведем лишь несколько фрагментов:

Если безмерная есть мука
Живущим блудно здесь в грехах,
Если сия свята наука
Теперь гремит в моих ушах,
То впредь из Богом я покаюсь,
И брошусь скверных сих грехов...
Священны книги подтверждают,
Что скверны блуд есть грех велик
И жити чисто научают.
Я ж в свете первшии блудник.
К кому ж простру свои я руки
На страшном в будущ век суде,
Если еще и по сей науки
Пребуду в скверном том блуде...

Далее автор советовал каждому читателю в соответствии с книгой исправить свою жизнь, поскольку «ни за какие тысячи или миллионы будущий век не можно будет приобрести или купить, но всенепременно по делам своим надобно будет мучиться и страдать вечно и безконечно» (ОСК НБУВ. Кир. 100-П).

В целом можно констатировать, что едва ли не 90 % братии киевских обителей были грамотны главным образом на начальном уровне и не владели языками науки. Однако при желании киевские иноки могли развиваться, получать образование и повышать свой интеллектуальный уровень. Изначально они читали кириллические книги, получали «науку» из них, что ограничивало интеллектуальный и духовный уровень рядовых иноков. Те же из монашествующих, которые получили или получали образование в Киевской академии, осознанно покупали книги и составляли свои библиотеки, несомненно, читали каждую из приобретенных книг и рукописей. Именно на эту «целевую аудиторию» однозначно «работали» книжные собрания, для них все книги были «живыми» даже в тех случаях, когда читающие не испещряли их страницы своими заметками.

Личности же игуменов и архимандритов обителей во многом определяли, будет ли вообще пополняться и какими именно книгами монастырская библиотека. И здесь вновь стоит вспомнить, что речь идет о киевских обителях в период становления, развития и расцвета Киевского коллегіума / Киевской академии. В связи со сказанным практически все игумены киевских монастырей имели богословское образование достаточно высокого для своего времени уровня, что, несомненно, влияло на «библиотечное зеркало» как монастырских, так и их частных книжных собраний.

Если говорить о библиотеке Михайловского Златоверхого монастыря, то особое значение для ее пополнения имели книжные собрания нескольких ее знаковых архимандритов. В частности, Иов (Борецкий), как уже говорилось, передал обители все свои кириллические и польские рукописи и печатные издания. Почти четверть века (1655–1677) управлял обителью знаменитый в Киеве интеллектуал Феодосий (Софонович), который в 1677 г. завел новый подробный монастырский Синодик с фиксацией истории монастыря, имен его настоятелей, выдающихся меценатов и их деяний, прочей информации (ИР НБУВ. Д. П.538/1744), создал новую редакцию «Жития кн. Владимира», был автором «Выклада о церкви» (печерское издание, 1668) и «Мучений святой великомученицы Варвары», а также «Повести о православных чудесах Варвары Великомученицы» (ИР НБУВ. Д. П.546/1748), он был также автором неимоверно ценного исторического сочинения «Кройника» (1672) (Феодосий Софонович, 1992), на основании которой можно делать реконструкцию его собственной библиотеки, книги которой игумен Феодосий использовал (особенно многочисленными польские хроники, русские летописи и пр.). Переписка Софоновича с Черниговским архиепископом Лазарем (Барановичем) свидетельствует, что в библиотеке архимандрита были все сочинения владыки: «Меч духовный», «Жития святых», «Аполлон христианский», «Лютня Аполлонова» (три последних на польском), «Трубы словес проповедных» и др. Высокообразованными личностями, имевшими свои личные библиотеки, были и последующие настоятели Михайловского монастыря: Варлаам (Ясинский; 1677–1680), Мелетий (Дзик; 1680–1682), Сильвестр (Головчич; 1684–1697), Иоасаф (Кроковский; 1697–1700), Захария (Корнилович; 1699–1713), Иоанникий (Сенютович; 1713–1715), Варлаам (Леницкий/Линевский; 1716–1719), Алексей (Петрина; 1722–1736), Амвросий (Дубневич; 1736–1739), Тимофей (Щербацкий; 1739–1740), Сильвестр (Думницкий; 1740–1746), Модест (Тещинский; 1755–1766), Феофилакт (Зубрицкий; 1766–1768), Епифаний (Могилянский; 1768–1769), Исаия (Германовский; 1769–1775), Феофилакт (Мочульский; 1775–1778), Тарасий (Вербицкий; 1778–1787), Иероним (Блонский; 1791–1795), почти все — выпускники и профессора, и некоторые — ректоры Киевской академии.

Весьма образованными были также настоятели Николо-Пустынского монастыря. Пятеро из них на протяжении столетия (конец XVII — конец XVIII вв.) были ректорами Киевской академии: Иоасаф (Кроковский), Прокопий (Колачинский), Христофор (Чарнуцкий), Иосиф (Волчанский), Самуил (Миславский). Иосиф (Волчанский) написал даже свой курс «Theologia Chrtistiana Orthodoxa». Иоасаф (Кроковский) обучался в Римской академии, зарубежное образование имел также Прокопий (Колачинский). Архимандрит (1769–1787) Епифаний (Могилянский) обучался в Московской академии включительно с классом богословия, хорошо владел латынью, польским и немецким языками (ИР НБУВ. Ф. 1. Д. 61606-61738. Л. 327–328).

Для сравнения приведем краткую информацию по «окраинным» монастырям. Первые игумены Кирилловской обители после ее возобновления в начале XVII в. — Василий (Красовский-Масло), Киприан и Софроний (Жеребило-Лабунские), происходившие из Волыни и бывшие служебниками кн. Василия-Константина Острожского, обучались в Острожской школе, по-видимому, хорошо знали острожские и дерманские книжные издания, а также новейшую полемическую литературу, направленную против униатов. Возможно, ряд этих изданий они привезли в свою новую обитель, о чем можно лишь догадываться, поскольку никаких конкретных сведений по этому поводу у нас нет [Марголіна, Ульяновський, 2005, 152–169]. Затем кирилловским игуменом (1650–1652) был Иннокентий (Гизель), который имел западное университетское образование (обучался в Замойской академии и университете Ростка и, возможно, даже в Англии), был ректором Киевского коллегиума. Конечно, его книга «Мир с Богом человеку» (1669, 1671), которую Московский патриарх Иосиф (Савёлов) считал наиболее вредной «из новотворных киевских книг», попала в библиотеки всех киевских монастырей и не изымалась даже после патриаршего указа, немало иноков ее читали. Правда, Гизелю приписывают также знаменитый «Синописис» (первое киевское издание 1674 г.), содержащий много контраверсионных положений.

Интересно, что это сочинение практически не присутствует в киевских монастырских библиотеках, за одним исключением (в межигорской библиотеке). В составленной Димитрием (Туптало) посмертным панегирике в честь Гизеля «Пирамида» многозначительно говорилось, что «мудрость его и посторонним известна» [Сумцов, 1885] (Иннокентий Гизель, 2010). В 1652–1657 гг. новым кирилловским игуменом был еще один интеллектуал — Лазарь (Баранович), который также закончил Киевский коллегиум, Калужскую и Виленскую академии, был ректором Киевского коллегиума. Его книги «Меч духовный» (Киев, 1666, 1679), «Трубы словес исповедных» (К., 1674, 1686), «Nowa Miara Stary wiary» (Киев, 1676, 1679) и многочисленные его издания стихов также попали в киевские монастырские библиотеки [Сумцов 1885; Радишевский, 1988]. Мелетий (Дзик), следующий игумен (1657–1677), закончил Киевский коллегиум (кстати, его младший брат Даниил, обучавшийся в Падуанском университете, записался в его альбом впервые за всю историю как «украинец»), был его ректором, профессором риторики и поэтики [Микитась, 2001, 180–181]. Следующий игумен (1681–1697) Иннокентий (Монастырский) даже на портрете, созданном в храме после его смерти над местом погребения по приказу Димитрия (Туптало), держит в руках книгу, заложенную пальцами на месте, где прервал чтение [Белецкий, 1981, 73]. Он обучался и преподавал в школах Львова и Люблина. Иннокентий (Монастырский) был участником сложной богословской дискуссии о Святах Дарах и таинстве Евхаристии (1688–1689), будучи автором книги «О пресуществлении Святых Даров», которую затем запретил Московский патриарх Иоаким (Савёлов) и изъял ее из библиотек. Спор дошел до апогея на Московском Соборе 1689 г., где Иннокентий (Монастырский) возглавлял делегацию Киевской митрополии (в нее входил и Димитрий (Туптало)) и рьяно дискутировал с братьями Лихудами, поддерживаемыми патриархом. Иннокентий (Монастырский) представил на Соборе свой новый труд «Щит веры» (ГИМ ОР. Синодальное собрание. Д. 310. Л. 226–227 об). В дискуссии интеллектуально явно побеждал Иннокентий (Монастырский), и тогда его помыслы были признаны патриархом и оппонентами «еретичными» и «латинническими», его удалили из заседаний Собора и выслали из Москвы. Книги Инокентия были обвинены в ереси «хлебопоклонства» и сожжены. Сам же он был аттестован так: «Орудие великого драконата Сатаны многопозстенное и многообразное в Киеве явился игумен Иннокентий, нарицаемый Монастырский (его же вемы еврейского рода есть, где же быть христианином или где монашеский образ и священство принять, никто весть даже до днесь). Книжицу сложил явно противно преданиям и обычаем чином таинством святыя Христовы восточные Церкви» [Шляпкин, 1891, 162]. Но Иннокентий (Монастырский) находился под покровительством гетмана Ивана Мазепы, а посему вернулся в Кирилловский монастырь, где оставался игуменом до самой своей кончины 17 января 1697 г. После его смерти 18 января игуменом стал Димитрий (Туптало) (был на игуменстве всего пять месяцев), получивший образование в Киевской академии, где все дисциплины преподавались на латыни и активно использовались западные издания, в том числе католических и протестантских богословов. Димитрий принял постриг в Кирилловском монастыре 9 июля 1668 г. от игумена Мелетия (Дзика). На протяжении 1668–1675 гг. он был писарем монастыря. Сохранилась одна книга из его библиотеки этого времени — Якобуса Масениуса «Книга веры. Размышления о примирении католиков и протестантов», подаренная Димитрию Иоанникием (Галатовским); на форзаце книги есть заметки Димитрия об интересующих его вопросах. Известно, что в это время он читал много богословской литературы протестантских авторов. Конечно, в монастырскую библиотеку в дальнейшем попали все его труды (например, «Руно орошенное», Чернигов, 1680–1702). От виленского периода в его библиотеке сохранилась латинская книга с богословием Фомы Аквинского и собственноручными пометами, а также книга Амброджио Марлиано «Theatrum Politicum» с заметками Димитрия о тирании, мудром правителе, необходимости избрания монарха. Грандиозный труд Димитрия (Туптало) «Четыи Минеи», работу над которым он начал в 1684 г. (книга на март-май

писалась в Кирилловской обители, а значит, здесь концентрировалась и необходимая литература, а также личная его библиотека), выходявший в печерской типографии в 1689–1705 гг., конечно, был во всех киевских монастырских библиотеках. «Звезда от Киева воссиявшая» [Федотова, 1999, 253–288; Федотова, 2001, 409–431], свт. Димитрий Ростовский почитался в Кирилловской обители, пока она существовала. Сохранившаяся книга польской Библии в переводе Ф. Мендозы из библиотеки Туптало содержит его запись на польском языке от 27 мая 1697 г.: «Димитрий Савич, ордена Св. Василия Великого игумен Кирилловский и Глуховский», что свидетельствует о существовании в обители устава св. Василия Великого. Игумен Иоасаф (Томилович; 1720–1722) был выпускником Киевской академии и преподавателем Московской славяно-греко-латинской академии, затем преподавал богословие в Киевской. Игумен Платон (Левицкий; 1745–1747) также был выпускником Киевской академии и преподавал в ней курс богословия, был он и ректором Московской академии. Киевскую академию закончил также игумен (1747–1749) Сильвестр (Добриня), который по заданию митрополита был соавтором «Книжицы о собственных всякого чина должностях» (1746). Игумены кирилловские Иоанникий (Скабовский; 1749–1752, скончался в 1753 г., оставил в монастыре свою библиотеку в 37 томов: 17 на латыни, 3 польских, 1 греческий, 10 кириллических, остальные — не обозначены (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 148. Д. 56. Л. 9–9 об.)); Павел (Волчанский; 1762–1763)), Мельхиседек (Орловский; 1763–1764)) также закончили Академию. Мельхиседек (Орловский) имел хорошую личную библиотеку, о чем свидетельствует опись его имущества по смерти 16 августа 1764 г.: среди 31 книги — 28 латинских изданий классических и новых философов, древних и новых теологов (католических и протестантских), проповеди (издания Даниила Веймана, Марка Аврелия, Аристотеля, Гераклида, Фомы Кемпийского), труды по филологии и словари, природоведческие издания и исторические труды (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 159. Д. 114. Л. 17–18 об.). Тарасий (Вербицкий; игумен в 1764–1768 гг.) был выпускником, профессором богословия и ректором Киевской академии. Этот игумен лично произносил проповеди во время литургий в Троице-Кирилловском храме. Игумен Амфилохий (Леонтович; 1669–1670) также закончил Киевскую академию. Едва ли не самым интересным в книжно-интеллектуальном смысле был игумен Николай (Цвет; 1783–1784), который окончил Киевскую академию, имел особый дар к языкам, семь лет обучался в Кёнигсбергском университете, был главой Пекинской духовной миссии. Описание его имущества после смерти (23 мая 1784 г.) показывает особую ценность его библиотеки: 53 книги на разных (только иностранных) языках, их содержание касалось толкования Святого Писания, было много богословских книг протестантских и католических авторов, в частности Фомы Аквинского, книги по философии, атласы, лексиконы, Библии на нескольких языках. Кириллических книг было всего 30, главным образом церковнослужебные издания, несколько богословских трактатов и книг светского характера (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 178. Д. 43. Л. 13–18).

В Чудо-Михайловском Выдубицком монастыре ряд игуменов-интеллектуалов изучаемого времени начинает наместник униатского митрополита Ипатия Потия Антоний (Грекович), выпускник Острожского православного коллегиума, ставший бакалавром и заведующим школой православного Виленского Свято-Духовского братства и после скандала и суда с братчиками передший в унию. Он прибыл в обитель 21 февраля 1610 г. и возобновил старинный Михайловский собор XI в. [Ульяновский, 2009, 112–117]. Там уже не было монахов, посему интеллектуальной деятельностью, в частности чтением книг, мог заниматься только он сам. В монастырской библиотеке по смерти игумена Антония 23 февраля 1618 г. (он был утоплен казаками в Днепре) остались его книги: рукописный «Трефологион» за март с записью о покупке им книги и передаче ее в обитель 6 ноября 1610 г.; «Трефологионы» за сентябрь и октябрь с такими же записями; «Октоих»; «Учительное Евангелие», «Осмогласник» и некоторые другие [Троцкий, 1866, 176–178]. После возвращения обители в православие ее настоятелем был сам Киевский митрополит Петр (Могилы) — выпускник не только Львовской братской школы, но и одного из европейских университетов (Сорбонны

или Замойской иезуитской академии). Высокий интеллект, он имел в личном книжном собрании 2131 том, его библиотека была одной из самых больших частных библиотек Европы [Голобуцкий и др., 2003]. Сменивший его на игуменстве Игнатий (Старушич; 1642–1651) благодаря митрополиту также смог получить высокое образование на Западе, был ректором Киевского коллегиума, одним из творцов текста «Православное исповедание веры», утвержденного Яским собором 1642 г., известен как автор многих сочинений на нескольких языках. Над местом его погребения в Чудо-Михайловской церкви была помещена стихотворная эпитафия, которую составил он сам [Перетц, 1914]. Сменивший Игнатия на игуменстве его брат Климентий (Старушич; 1652–1664) был также высокообразованным человеком. В судебных процессах за земли и угодья с Печерским монастырем он активно использовал «Повесть временных лет» как доказательство древности обители и ее княжеских пожертвований [Ульяновский, 2009, 122–125]. Святитель Феодосий Углицкий был выдубицким игуменом в 1664–1668 гг. — выпускник Киевской академии, ученик Лазаря (Барановича). Следы латинской культуры сохранились даже на его личных вещах в монастыре, это латинские гравированные надписи на серебряных ложках и кружке [Ульяновский, 2009, 125–130]. Еще один выпускник Академии и в 1713–1719 гг. выдубицкий игумен Лаврентий (Горка) был автором академического курса «Поэтика», личным другом Феофана (Прокоповича), автором целого собрания поэтических сочинений (например, поставленной в Академии в 1708 г. трагикомедии «Иосиф патриарх»), латинославянского лексикона. Он имел немалую библиотеку, которую после назначения на Вятско-Великопермскую епархию увез с собой, основал там греко-латинскую школу, наполнив ее киевскими учителями, что вызвало взрыв протеста местного духовенства (в 1736 г. школа и архиерейский дом были взяты в осаду, начался открытый бунт) [Ульяновский, 2009, 134–143]. В Выдубицкой обители скончался 8 мая 1754 г. бывший архимандрит Братского Богоявленского монастыря и ректор Академии Сильвестр (Ляскоронский), после которого осталось 34 книги (24 латинские, 4 польских, 2 немецких, 1 французская, 6 кириллических (ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 1024. Д. 873. Л. 1–98)). Интеллектуалом был также скандальный (отстраненный за злоупотребления) игумен Антоний (Почека; 1756–1759) — выпускник Киевской академии, кафедральный писарь, капеллан посольской церкви в Варшаве, помощник ректора Киевской академии [Ульяновский, 2009, 144–146]. Академистами были и последующие выдубицкие игумены: Митрофан (Горленко), внук по матери гетмана Даниила Апостола и младший брат святителя Иоасафа (Горленко), управлявший обителью в 1760–1765 г.; Сиф (Гамалея), в прошлом личный келарь митр. Тимофея (Щербатского) и регент кафедральной канцелярии — выдубицкий игумен в 1765–1767 гг., после его смерти в монастыре осталось 23 книги (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 200-а. Л. 16–17); Мельхиседек (Значко-Яворский) — обучался в Академии до класса философии, изучил греческий и немецкий языки, знаменитый участник Гайдамаччины, пострадавший от польских жолнеров, мучимый и подвергшийся пыткам, выдубицкий игумен в 1774–1781 гг.; Иероним (Блонский), обучавшийся в Киевской академии и Харьковском коллегиуме, был кафедральным писарем и строителем новой Софийской бурсы, а также нового здания библиотеки в Братском монастыре, выдубицкий игумен в 1783–1791 гг.; префект Киевской академии Димитрий, профессор латинской грамматики и поэзии, риторики и философии, выдубицкий игумен в 1791–1793 гг.; вице-ректор Киевской академии Афанасий, игумен в 1797–1799 гг. [Ульяновский, 2009, 147–149, 154–159].

Едва ли не самым крупным интеллектуалом и любителем книжности в Выдубицкой обители был игумен 1767–1774 гг. Иаков (Воронковский). В своих послужных списках он указывал, что изучал латынь, а также на латыни пиитику, риторику, философию, богословие и несколько других языков — древнееврейский, греческий, немецкий. 10 декабря 1754 г. Воронковский принял постриг в Св. Софии Киевской и был назначен регентом кафедральной канцелярии, а вскоре — писарем в Киевской духовной консистории, кафедральным архиерейским писарем митрополита Арсения (Могилянского) и членом Духовного собора Софийского монастыря

(ЦГИАУК. Ф. 127. Оп. 1024. Д. 1980. Л. 2 об.–3, 38 об.–39; Д. 2050. Л. 2 об.–3; Ф. 130. Оп. 1. Д. 261. Л. 5 об.–6, 8 об.–9, 11 об.–12, 13 об.–14, 15 об.–16, 17 об.–18, 20 об.–21). Он фактически сформировал архив Выдубицкого монастыря, собрав в него из разных мест недостающие документы, активно использовал летописи для отстаивания имущественных интересов обители. Перу игумен Иакова (Воронковского) принадлежит история кафедрального Софийского монастыря (Иаков Воронковский, 1859) и биограмма митрополита Иосифа (Нелюбовича-Тукальского) (Рукописная заметка, 1878, 396–398). В коллекции Церковно-археологического музея при КДА сохранилась подборка биограмм Киевских митрополитов авторства игумена Иакова (Воронковского): Рафаила (Заборовского), Варлаама (Ясинского), Иоасафа (Кроковского), Варлаама (Ванатовича) и Иосифа (Нелюбовича-Тукальского) (ИР НБУВ. Ф. ДА 733 Леб. Л. 3–45)³. В его личном архиве находился один из ранних списков знаменитого полемического сочинения безымянного автора «Разговор Великороссии с Малороссией» (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 1. Д. 456. Л. 79). Об интеллектуальных потребностях и интересах игумена Иакова свидетельствует состав его библиотеки, описанной после его смерти и состоявшей из 372 названий кириллических и латиноязычных книг и 62 связок авторских рукописей исторического содержания (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 2. Д. 538. Л. 1–7, 11–26; Ф. 127. Оп. 169. Д. 21. Л. 18–62). В коллекционных материалах игумена Иакова выделяются: список с 20 «статей» Богдана Хмельницкого; «Летописание о войтах киевских», «Краткие заметки, или Летописание о Черниговских епископах» (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 2. Д. 555. Л. 1–7; Д. 97. Л. 45–46; ИР НБУВ. Ф. II. Д. 27502. Л. 10–10 об.). В личной библиотеке Воронковского насчитывалось 178 русских, 154 польских и латинских изданий. Для того времени это была солидная, даже уникальная библиотека. Одиннадцать книг принадлежали Софийской кафедре, среди них особенно интересны «Книга рукописная называемая кроника то есть летописец в лист» и «Книга рукописная о разных действиях малороссийских давних времен бывших гетманов и козаков в лист». Михайловской Златоверхой обители принадлежало польскоязычное издание «Святых отцов Печерских нетление» (по-видимому, «Патерикон» Сильвестра Коссова). Книга Феофила Ортолога была взята в библиотеке Киевской академии (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 2. Д. 555. Л. 10–26). На фоне библиотеки список личных вещей игумена Иакова выглядит весьма скромно (ЦГИАУК. Ф. 130. Оп. 2. Д. 555. Л. 8–9 об.) и свидетельствует, что приоритеты его были исключительно интеллектуального характера⁴.

Были ли все эти игумены-интеллектуалы «зеркалом» своих обителей? Несомненно были, но лишь на элитном уровне священноначалия. Но вот монастырские библиотеки абсолютно точно, особенно в своей латинической части, были весьма точным «зеркалом» интересов и круга книжного чтения указанных лиц. Именно на них действовала латинская доминанта во всех ее смыслах и интеллектуальных проявлениях, именно они «оживляли» книги постоянным чтением, именно их личности и «портреты» появляются через «библиотечное зеркало».

* * *

Стоит ли, подводя итог, повторять выводы, сделанные в ходе изложения? Ограничимся краткой констатацией, отвечающей посылу в заявленном названии. Через «библиотечное зеркало» можно видеть киевские монастыри XVII–XVIII вв. в интеллектуально-духовном ракурсе. Это зеркало внешне отражает подавляющий «латинский мир» знаний. Однако «оживляли» этот мир персонально для себя лишь единицы образованной братии, главным образом студенты и профессора Киевской академии.

³ В настоящее время нами подготовлена к изданию эта рукопись – первая подробная история Киевской митрополии XVII–XVIII в.

⁴ Относительно игуменов других монастырей, как и монашества в целом, см.: [Яременко, 2001, 272–282; Яременко, 2001, 44–45; Яременко, 2007].

Посему, образно говоря, в монастырском «библиотечном зеркале» отражалась лишь «голова» коллективного портрета братии киевских обителей, тогда как основная «масса тела» этого портрета оставалась отраженной только в небольшом кириллическом фрагменте этого «библиотечного зеркала». Впрочем, не стоит забывать об устном слове, о книгах «в пересказе», о том, что братия обителей не имела «стен» между собой и что в живом общении полученные «латинистами» знания так или иначе передавались «кириллистам». Не стоит также забывать о «живописных книгах» — невероятных по смысловому и символическому наполнению храмовых росписях этого времени (прекрасно сохранились, например, в Троицкой надбамной (надвратной) церкви Лавры) и иконографии в целом, авторы которых воплощали идеи многих богословов и гравюр западных изданий. На самом деле «библиотечное зеркало» киевских монастырей выходило далеко за границы и самих монастырей, и их братии. И вот эта необъятная составная «жизнь» книг киевских монастырских библиотек еще ждет своего заинтересованного исследователя именно с точки зрения многомерной «жизни» самих идей книг разного направления и толка.

Источники и литература

Источники

1. ГИМ ОР — Государственный исторический музей. Отдел рукописей. Синодальное собрание. Д. 310.

2. ИР НБУВ — Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Д. Соф. 411/372-С; П.416/1640; П.417/1635; П.419/1638; П.420/1641; П.421/1636; П.425/1669; П.427/1662; П.428/1663; П.440/1751; П.441/1709; П.442/1706; П.443/1707; П.444; П.445; П.446; П.447; П.448; П.449; П.450; П.451; П.452; П.453; П.454; П.455; П.456; П.457; П.458; П.459; П.460; П.461; П.462; П.463; П.464; П.465; П.466; П.467; П.468; П.469; П.470; П.471; П.472; П.473; П.474/1745; П.475/1656; П.476/1736; П.478/1734; П.480/1644; П.481/1661; П.483/1757; П.486/1653; П.487/1645; П.490/1649.1-2; П.495/1660; П.496/1648; П.498/1733; П.499/1729; П.501/1719; П.502/1732; П.504; П.505; П.506; П.507; П.508; П.509; П.510; П.511; П.512; П.513; П.514; П.515; П.516; П.517; П.518; П.519; П.520; П.521; П.522; П.523; П.524; П.525; П.526; П.528; П.538/1744; П.539/1764; П.546/1748; П.547; П.557/4; Ф. ДА 733-Л; Ф. 1. Д. 2440; Ф. 1. Д. 2441; Ф. 1. Д. 5516; Ф. 1. Д. 5534; Ф. 1. Д. 61606-61738; Ф. П. Д. 27502; Ф. 312. Д. 10/371.

3. ОСК НБУВ — Отдел старопечатной книги Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского. Экземпляры. Кир. 2; Кир. 40; Кир. 66-П; Кир. 73-П; Кир. 82-П; Кир. 100-П; Кир. 124-П; Кир. 131-П; Кир. 179; Кир. 184; Кир. 194-П; Кир. 196-П; Кир. 651; Кир. 661; Кир. 759; Кир. 773; Кир. 3040; Кир. 3065; Кир. 4271; Кир. 2753; Кир. 4809; Кир. 5226; Кир. 7281.

4. ЦГИАУК — Центральный государственный исторический архив Украины в г. Киеве. Ф. 127. Оп. 148. Д. 56; Ф. 127. Оп. 159. Д. 114; Ф. 127. Оп. 169. Д. 20; Ф. 127. Оп. 169. Д. 21; Ф. 127. Оп. 169. Д. 37; Ф. 127. Оп. 176. Д. 45; Ф. 127. Оп. 178. Д. 43; Ф. 127. Оп. 1024. Д. 873; Ф. 127. Оп. 1024. Д. 1980; Ф. 127. Оп. 1024. Д. 1549; Ф. 127. Оп. 1024. Д. 2050; Ф. 127. Оп. 1024. Д. 2691; Ф. 127. Оп. 1024. Д. 3227; Ф. 130. Оп. 1. Д. 440; Ф. 130. Оп. 1. Д. 723; Ф. 130. Оп. 1. Д. 947; Ф. 130. Оп. 1. Д. 200-а; Ф. 130. Оп. 1. Д. 261; Ф. 130. Оп. 1. Д. 4; Ф. 132. Оп. 2. Д. 68; Ф. 132. Оп. 2. Д. 81; Ф. 130. Оп. 2. Д. 97; Ф. 130. Оп. 2. Д. 538; Ф. 130. Оп. 2. Д. 552; Ф. 130. Оп. 2. Д. 555; Ф. 169. Оп. 1. Д. 12; Ф. 169. Оп. 5. Д. 3; Ф. 169. Оп. 5. Д. 97; Ф. 888. Оп. 1. Д. 2; Ф. 888. Оп. 1. Д. 4; Ф. 888. Оп. 1. Д. 5; Ф. 888. Оп. 1. Д. 6; Ф. 888. Оп. 1. Д. 9; Ф. 888. Оп. 1. Д. 10; Ф. 888. Оп. 1. Д. 13; Ф. 888. Оп. 1. Д. 30.

5. Акты и документы (1906) — Акты и документы, относящиеся к истории Киевской духовной академии. Отдел 2. Т. 4 / Сост. Н. И. Петров. Киев, 1906.

6. Голубев (1878) — *Голубев С. Т.* Материалы для истории западно-русской Православной Церкви (XVI и XVII ст.) // Труды Киевской духовной академии. 1878. № 11.

7. Иаков Воронковский (1859, 1864) — *Иаков, игумен Выдубицкий*. Кафедральный Киево-Софийский монастырь и его наместники. 1770 г. // Киевские губернские ведомости. 1859. № 35-39; Киевские епархиальные ведомости. 1864. № 13.
8. Инокентій Гізель (2010) — *Инокентій Гізель*. Вибрані твори у 3-х т. К., 2010.
9. Рукописная заметка (1878) — Рукописная заметка о Киевском митрополите Иосифе Нелюбовиче Тукальском: из архива Киево-Выдубицкого монастыря // Киевские епархиальные ведомости. Часть неофициальная. 1878. № 13.
10. Описание рукописей — Описание рукописей и старопечатных книг Библиотеки Киево-Выдубицкого монастыря // *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в Киев 30 мая — 10 июня 1915. Киев, 1916.
11. Феодосій Софонович — *Феодосій Софонович*. Хроніка з літописців стародавніх / Публ. Ю. А. Мицика, В. М. Кравченка. Киев, 1992.

Литература

12. Андрушко (1984) — *Андрушко В. А.* Использование произведений Дионисия Ареопагита в сочинениях украинских писателей-полемистов (XVI–XVII вв.) // Историческая традиция философской культуры народов СССР и современность. Киев, 1984.
13. Белецкий (1981) — *Белецкий П. А.* Украинская портретная живопись XVII–XVIII вв. Ленинград, 1981.
14. Броджи-Беркофф (2006) — *Броджи-Беркофф Дж.* Заметки Стефана Яворского на полях принадлежащих ему книг // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 2006. Т. 57.
15. Вишневский (1903) — *Вишневский Д.* Киевская Академия в первой половине XVIII столетия. Киев, 1903.
16. Высоцкий (1985) — *Высоцкий С. А.* Киевские граффити XI–XVII вв. Киев, 1985.
17. Голобуцкий и др. (2003) — *Голобуцкий П. В., Моисеенко Н. І., Хижняк З. І.* Петро Могила (1596–1647): Бібліографічний покажчик. К., 2003.
18. Голубев (1878) — *Голубев С. Т.* О составе библиотеки Петра Могилы // Труды Третьего археологического съезда в России, бывшего в Киеве в августе 1874 г. Киев, 1878. Т. 2.
19. Дарнтон (2004) — *Дарнтон Р.* Історія читання // Нові перспективи історієписання / За ред. Пітера Берка. Київ, 2004.
20. Дзюба (2004) — *Дзюба О. М.* Польська книга у бібліотеках України XVIII ст.: до історії українсько-польських культурних взаємин // «Істину встановлює суд історії». Збірник на пошану Федора Павловича Шевченка. Київ, 2004. Т. 2.
21. Иванова, Лось (2010) — *Иванова О., Лось В.* Рукописные книги Киево-Межигорского монастыря в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского: краткий обзор // Книжное дело на Северном Кавказе: метод, источники, опыт исследований. Краснодар, 2010.
22. Ісаєвич (1995) — *Ісаєвич Я. Д.* Освітній рух в Україні XVII ст.: східна традиція і західні впливи // Київська старовина. 1995. № 1.
23. Козлов (1996) — *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. Анализ подделок исторических источников XVIII–XIX веков. М., 1996.
24. Кузьмук (2014) — *Кузьмук О.* Межигірська старовина. Нариси з історії Києво-Межигірського в ім'я Преображення Господнього чоловічого монастиря в XVI–XVIII століттях. К., 2014.
25. Марголіна, Ульяновський (2005) — *Марголіна І., Ульяновський В.* Київська обитель святого Кирила. К., 2005.
26. Маслов (1914) — *Маслов С. И.* Библиотека Стефана Яворского. Киев, 1914.
27. Микитась (1994) — *Микитась В. Л.* Давньо-українські студенти і професори. К., 1994.
28. Микитась (2001) — *Микитась В. Л.* Дзик Михайло Михайлович, чернець ім'я Мелетій // Києво-Могилянська академія в іменах XVII–XVIII ст.. Енциклопедичне видання. К., 2001.
29. Науменко (1963) — *Науменко Ф. І.* Педагог-просвітитель і гуманіст І. Борецький. Львів, 1963.

30. Нічик (2002) — *Нічик В. М.* Симон Тодорський і гебраїстика в Києво-Могилянській академії. К., 2002.
31. Перетц (1914) — *Перетц В. Н.* К биографии отца Игнатия Оксентовича Сарушича, киевского проповедника половины XVII века. Пгр., 1914.
32. Петров (1896) — *Петров Н. И.* Описание рукописных собраний, находящихся в г. Киеве. Вып. 2. М., 1896.
33. Петров (1901) — *Петров Н. И.* Краткое обозрение рукописей Киево-Софийской библиотеки // Чтения в Историческом обществе Нестора-летописца. Киев, 1901. Вып. 2.
34. Прокоп'юк (2203) — *Прокоп'юк О.* Бібліотека монастиря св. Софії як вияв духовно-інтелектуальних потреб і можливостей монастирської братії // Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки та культури. Вып. 5. Київ, 2003.
35. Пуминова (2009) — *Пуминова Н. В.* «Corpus Aegoragiticum» и полемическая литература Западной Руси XVI–XVII вв. // Вестник РГУ. 2009. № 112.
36. Радишевський (1988) — *Радишевський Р. П.* Лазар Бараноич — український письменник і суспільно-політичний діяч в оцінці сучасників // Роль Києво-Могилянської академії в культурному єднанні слов'янських народів. К., 1988.
37. Симчич (2009) — *Симчич М. В.* Philosophia rationalis у Києво-Могилянській академії. Вінниця, 2009.
38. Сінкевич (2014) — *Сінкевич Н.* «Nis mortui vivunt, et muti loquuntur»: ранньомодерна книгозбірня Києво-Софійського монастиря за каталогом 1769 р. // Софія Київська: Візантія, Русь, Україна. Вып. 4. Київ, 2014.
39. Советов (1914) — *Советов А.* Киево-Кирилловская церковь. Церковно-археологическое исследование. 1914 г. // ИР НБУВ. Ф. 304. Д. 2303.
40. Стрижев (2005) — *Стрижев А. Н.* Фома Кемпийский в России // Богословские труды. Т. 40. М., 2005.
41. Сумцов (1885) — *Сумцов Н. Ф.* К истории южнорусской литературы XVII в. Вып. 1: Лазарь Баранович. Харьков, 1885.
42. Сумцов (1894) — *Сумцов Н. Ф.* К истории южно-русской литературы. Вып. 3: Иннокентий Гизель. К., 1894.
43. Тараніна (2013) — *Тараніна Б. К.* Латиномовна колекція книг з бібліотеки Києво-Михайлівського Золотоверхого монастиря: історія формування // Церква — наука — суспільство: питання взаємодії. 11-а конференція. Київ, 2013.
44. Троцкий (1866) — *Троцкий П.* Киево-Выдубицкий монастырь во время занятия его униатами (с 1596–1637 гг.) // Вестник Западной России. Вильно, 1866. Т. 3. № 9.
45. Ульяновский (2009) — *Ульяновский В.* Выдубицкий Чуда архангела Михаила монастырь. История в лицах, памятниках архитектуры и церковного искусства. К., 2009.
46. Ульяновський, Кошіль (2008) — *Ульяновський В. І., Кошіль О. О.* Старожитня бібліотека Михайлівського Золотоверхого монастиря. Вып. 1: Спроба реконструкції кириличної збірки. Київ, 2008.
47. Федотова (1999, 2001) — *Федотова М. А.* Украинские проповеди Дмитрия Ростовского (1670–1700 гг.) и их рукописная традиция // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб., 1999. Т. 50; 2001. Т. 52.
48. Шамрай (1993) — *Шамрай М. А.* Першодруки в бібліотеці Києво-Софійського собору // Роль бібліотек, монастирів, соборів та інших установ у розвитку культури України. К., 1993.
49. Шаріпова (2000) — *Шаріпова Л. В.* Внутрішній устрій та функціонування бібліотеки Києво-Могилянської Академії до пожежі 1780 р.: спроба реконструкції // Рукописна і книжкова спадщина України. К, 2000. Вып. 6.
50. Шляпкин (1891) — *Шляпкин И. А.* Св. Димитрий Ростовский и его время (1651–1709 гг.). СПб., 1891.
51. Яременко (2000) — *Яременко М.* Бібліотека київського Пустинно-Миколаївського монастиря XVIII ст.: «життя» книг // Просемінарій. Медієвістика. Історія Церкви, науки та культури. Вып. 4. Київ, 2000.

52. Яременко (2001-а) — *Яременко М.* Настоятелі київських чоловічих монастирів у XVIII ст. // Ковчег: Науковий збірник із церковної історії. Львів, 2001. Ч. 3.
53. Яременко (2001-б) — *Яременко М.* Чернецтво київських чоловічих монастирів (1721–1740 рр.): спроба колективного портрета // Київська старовина. 2001. № 6.
54. Яременко (2004) — *Яременко М.* Київські монастирські та приватні чернечі бібліотеки XVIII століття і «літературні уподобання» монашества // Український археографічний щорічник. Нова серія. Вип. 8/9. К., 2004.
55. Яременко (2007) — *Яременко М.* Київське чернецтво XVIII ст. Київ, 2007.